

СМЕНА

№ 20 ОКТЯБРЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ДОРОГА В РАБОЧИЙ КЛАСС

УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Из дневника писателя

Гарий НЕМЧЕНКО

Но длинному коридору бесшумно пронеслась ласточка, над ступеньками, ведущими на второй этаж, взмыла и через несколько секунд селась повисла, уже у нас за спиной, промчалась над головами у ребятшек, защебетала, снова шмыгнула в аэстичный пролет.

— Вырваться не может, бедняжка.

Со знакомой мне с давних пор категоричностью, когда в голосе у него звучит строгость, а в карих глазах под крепкими надбровными дугами с косматыми бровями прячется еле заметная усмешка, он сказал:

- Может, только она не хочет.
- Почему?
- Потому, что она здесь живет.
- В школе?

— Эту привстройку мы уже без тебя поставили! Без тебя. А помнишь, сколько псада было на старом торце? Наверно, помнишь. И тогда строили, они тут лепились, и после... Хотели мы сперва что-либо придумать, а потом... Что ты с ними поделаешь? У них инстинкт. Они родились и выросли в этих гнездах. Увидишь летать на этом месте, где теперь коридор.

А ласточка снова кося пронеслась над нашими головами, и теперь стремительный лет ее в затишье после звонка школьным коридоре показался мне исполненным какого-то особого смысла...

* * *

Как любопытно, оглядываясь на события прошедших лет, возвращаясь к полузабытым образам детства, замечать вдруг, что они, давно существующие теперь не сами по себе, а как бы только в нас, в нашей памяти, как они странно образуются, как по-новому озаарят их время, как переизменяют оно свет и тени.

Мы тогда учились в шестом.

Была осенний вечер, холодный, с первым морозцем. Розовые и желтые хризантемы, которые побяжили к зиме мама обычно пересаживала в глиняные горшки да в старые, с проржавевшим дном кастрюли, уже стояли рядком на полу. Черные стекла вранды, отражающие тиккий свет керосиновой лампы, слегка запотели.

С другим моим Борисом Павловым мы «врезались» в шахматы, сидели не дыша, табуретки боялись скрипнуть, потому что было уже поздно и в любую минуту мы вернулись из командировки и «разогнать» нас мой отец, в любой момент могла проснуться и выгнать из комнаты мать.

Ох, эти тайком отвоєванные у родителей ночные часы, в которые каждый секунда сопровождается двойным перестуком твоего сердца!

— Ну, ходи, хвяти!

— Тыше ты!

И вдруг властно скрипнула калитка, кто-то быстро прошла под окнами, разинула дверь.

Мы оба замерли.

На пороге, запылавшись, стоял Иван Федорович Садовенко, наш учитель русского языка.

Из-под кушей шубейки без рукавов выглядывали надутые на белую исподнюю рубашку подтяжки, обут он был в растоптанные опорки от лямочек, в которых на босу ногу обычно ходил дома. В правой руке учитель держал острый красный карандаш, в искалеченных пальцах левой подрагивала раскрытая тетрадь.

Резко тряхнула головой, и смольные с вилкой просеяло волосы рассыпалось, как всегда, как-то странно расставилось надвое, и одна половина чуба еще как будто порбылась, а вторая кося упала набок — в такие минуты было похоже, что на голове у него сидит сизая птица с поднятым крылом.

— Что, разбойники, удобно устроились? В шахматкиша поиграем! Тут у него хватает внимания! А вот в классе написать «карусель» через «ю»! Показывай отцу, несчастный двоечник!

Рядом с шахматной доской шмыгнула на стол моя истерканная красным тетрадь.

Снова хлопнула дверь.

И почти тут же, держась за сердце, с испуганными глазами на веранду заглядывает мама.

— Господи. Что случилось?

Во дворе уже резко скрипит калитка.

— Что случилось, спрашиваю!

— Да Иван Федорович... прихода.

— Так поздно?

И надо ему действительно, чуть не в полночь бежать полурядному за три квартала!

Потом я как-то следом за ним шел по улице, и вдруг он свернула с тротуара, шагнул на дорогу. Посредине лежал в грязи большой лочаток, и он нагнулся, поднял его за бамый хвостик и так и понес его в руке, словно кролика за уши, спокойно-нежно пошел себе дальше, к своему дому, и я попробовала отстать, мне было почему-то стыдно; хотя бы вытер да спрятал в карман или под полу, а то так... понес у всех на виду.

Потом как-то недалеко мы жили в степи, стреляли сено на дальнем покосе, а покос тот был рядом с делянкой Садовенко, и однажды рано утром он окликнул меня и, когда я подбежала, попрощался:

— А ну-ка, может, у тебя лучше получится.

И я помогаю своему учителю ступить на предельные пределы сил, им самим подаренные со специализацией пилотки, куда он засовывал конец косы.

Какие галстуки мы тогда брали!

Даже эта горькая, продиктованная только что отмененной военной рационализации высылка тогда у меня подозрительно: конечно, мол, приходится хитроумно придумать, если ты такой жаждый.

А в тетрадках с нотками, которые он завел во все классы! Одни концы ноточки белым кружочком бумаги должен был приклеить к внутренней стороне задней обложки, другой таким же кружочком — к прямоугольному проколушки. Чтобы та не терзалась. Чтобы всегда была под рукой.

Им вечные его придирки к почерку! Все лето после шестого класса я пролежал над прописками, о которых к концу года благополучно забываю уже сейчас!

А потом йдут годы...

И как-нибудь в один из коротких и нечастых своих выездов в родную станицу ты встретишь его, учителя своего, на улице, подозрительнось, поймаешь на себе чужой хитрый взгляд, но значение ему придашь только потом, может быть, вечером, когда вспоминая эту короткую встречу, когда ты кивнул только лишь мимолетом, лишь на секунду оторвавшись от разговора с московским другом, который приехал вместе с тобой взгнать на кубанские красоты.

В другой проезд ты догонишь его на улице, чуть не силой отберешь у него тужежкую канцелярию с корисном, пойдешь радом, отвесив на несложные его вопросы, рассказывая о своем житье-бытьем. Через несколько другой шаг он спросит, какая эта канцелярия тяжелая, тебе захочется сменить руку, и только тут ты вдруг что-то поймешь... Вспомнишь, может быть, совсем не ко времени, как мать говорила тебе еще несколько лет назад:

— А ты бы скодаль, проведала Анна Федоровича, все-таки он столько к вам здоровый... Ему теперь, говорят, заслуженного присвоили.
— Угу, мам, если время отстанется.
А оно бежит и бежит.

И однажды ты ловишь в себе какую-то черточку, ловишь, может быть, выравнявшееся вторых неравнодушное слово, сказанное с той интонацией, которая когда-то была обращена к тебе самому, и вдруг до тебя дойдет, чье это слово, чья это интонация.

И пусть твой почерк не сдается лучше — как знать, может быть, упорство, робко проказаннувшее в тебе тем летом, когда мяч под твоим окном хлопало особенно звонко и голоса ребят звучали веселее обычного, — может быть, это оно заставляет тебя сегодня не отвращаться от недовисанной строчки, от несвой еще до конца мыслей!

Прибирая на своем рабочем столе, однажды ты вспомнишь о тетрадках с проколушкой на нотках. Сперва это тебе покажется смешным, но вспоминая это почему-то не исчезнет бесследно, оно станет приходить к тебе все настойчивей, и одно за другим всплывут у тебя в памяти и какой-то, казалось, уже окончательно позабытый жест учителя, и взгляд его, и его настоячий голос, и слова, смысл которых, наконец, дойдет до тебя столько лет спустя, и все эти окривевшие грустью по давно ушедшему детству воспоминания превратятся теперь в осознанную жажду нового порядка, может быть, не только на письменном столе, и разумно устроить не только какую-то часть своей работы, но свою жизнь.

Мне врче помнится одно.
Другому человеку, только что окончившему академию, морскому артиллеристу, капитану первого ранга Борису Евстафьевичу Павлову, чаще напоминается, наверно, другое. Но у нас есть один общий исток, из которого берет начало наши размышления об уроках детства. Имя этому истоку — школа.

* * *

До девятого класса математику преподавал нам залуч Георгий Иванович. Был он высок и длиннолиц, одевался, несмотря на то, что годы шли послевоенные, всегда с иголочки и оделокоился настолько крепко, что одно время мы завели в школе вполне благонамеренную с виду шутку, в которой залуча надо было войти с завязанными глазами — по залучу.

Нравя он был не то чтобы круто, но очень впечатляющим, «заволались», как теперь любят говорить, «с пол-оборота», и каждый раз перед алгеброй или геометрией дежурный по классу непременно запался три, а то и четыре куска мела — и приступе гнева математик наш имел обыкновение разбивать его об край у себя на иголочки. Иногда класс дружно вставал, математика взводилась, и тогда, сбавля страдальческое лицо, он вдруг неестественно вытягивался, задрав тяжелый подбородок и волоча ногу, а мы гадали ему вслеп, готовые тут же, как только захопнется за ним дверь, снова начать горячий спор: приворается он все-таки или правда конужены?

После одного из таких уходов Георгий Иванович к нам больше не вернулся, его перевели в младшие классы.
Математике ста, учить нас только что окончивший в тот год институт Алексей Сергеевич Колесник.

Не знаю, было когда-нибудь потом или не было, чтобы он заметно повиса голос, — я этого по крайней мере не помню. В памяти, оставшейся от тех лет, он видится и неприступно строгим и высмеивало улыбающимся, видится и вселам, и отчужденным; только кричащим, потерпевшим над собою власть — иногда. Таким я не могу его представить, даже призывая на помощь воображение.

Может быть, это странно — я давно уже забыла, чему равна, предположим, сумма катетов, зато великолепно помню ту обстановку располагающую к размышлению спокойствия, ту атмосферу строгой, без скидок, доброжелательности, которые парили у нас в классе на уроках Колесника.

Тогда он любил стоять у подоконника спиной к улице. Густеющие брови сложены, карие глаза смотрят как будто бы чересур внимательное, и только где-то в углах губ промелькает лукавство:

Ну-с! Заучи!

Сомкнутые руки опущены, и лишь большие пальцы проядут иногда один вокруг другого.

— Не знаешь?

Пальцы зашевелились, заходит быстрее и замрут. Спрятается еле заметная усмешка.

А ты хорошо подумай и будешь знать. Мы никому не спешим. Ты подумай.

Он был одинаково строг и одинаково справедлив и в разговоре с каждым

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 20 (1090)
ОКТАБРЬ
1972

НАША ОБЛОЖКА:
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ДРОКВИН, ТОКАРЬ ХАРЬКОВСКОГО ТУРБИНОГО ЗАВОДА, ШЕДРО ПЕРЕДАЕТ СВОИ ЗНАНИЯ МОЛОДЫМ РАБОЧИМ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

СТАТЬЮ О ХАРЬКОВСКОМ ОПЫТЕ ПОДГОТОВКИ РАБОЧЕЙ СМЕНЫ ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ 16—17.

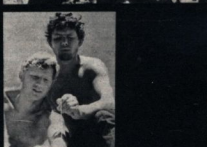
4

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЧТЫ.
ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ
КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ.**

12

**МАСТЕР О
ПОД ЗНАКОМ ИНТЕРЛА.
РЕПОРТАЖ
ИЗ СТУДЕНЧЕСКОГО
СТРОИТЕЛЬНОГО ОТЯДА
ИМЕНИ ЮРИЯ АЛЕКСЕВИЧА
ГАГАРИНА.**

18

**ИНТЕРВЬО
С ЗАСЛУЖЕННЫМ ТРЕНЕРОМ
СССР В. А. ЛОНСКИМ.**

**а тренер
игет
далше**

24

**СИЛУЭТЫ:
ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ
ЖУКОВСКИЙ.**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**КРАСНОДО: НЕ МЕРКНЕТ СЛАВА
«МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»**

**ЗНАКОМЬТЕСЬ: ШКОЛА КОМТРУДА.
АДРЕС — ЗИЛ**

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лихачев [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Ромедовский, Е. И. Рыбчинский, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник Г. С. Терзизбабянц Технический редактор Н. И. Будкина

привет и пожелания доброго отъезда.

Около недели уже мы отбываем дни в Сочи, на старом нашем месте. Погода отличная, море теплое, а мы помаленьку начинаем приходить к себе после всей этой истории. В Москве будет числа 20-30-го. Но по делу если говорить, то после консультации мои, ее советуем переждать на весну, на конец марта в самом начале апреля... О делах завтра 20—25 уже дома.

Как отбыла Вы? Достаточно ли у Вас тепла и Солнышка? Здесь просто чудесно, и жаль, что Вас, дорогие, и остальных наших друзей здесь нет.

На «Явельной» все развалено — так идет большая стройка.

Крепко жму Вашу руку.

С. Королев.

Юрий Алексеевич отвечал так:

«Здравствуйте, дорогие Сергей Павлович и Нина Ивановна!

Очень были рады, получив Ваше письмо. Очень рады за Вас, что все потихоньку происходит. Мы здесь ор-

— Принеси мне другие часы. Эти стали.

— Хорошо,— пообещала жена. Юрий Алексеевич немедленно снял с руки свои часы и протянул Королеву:

— Возьмите мои, пожалуйста. И как Сергей Павлович ни отказывался, Юрий Алексеевич настоял на своем.

— Пусть это будет мой подарок вам.

— Тогда надо на них что-то написать,— согласился наконец Королев.

— И напишу, напишу,— горячо обещал Гагарин.

Часы остались у Королева, но сделать надпись на них Юрий Гагарину не пришлось. Сначала из жизни ушел Королев, за ним и он, Гагарин. Но время, в том числе и время космической эры, которую они открывали, не остановилось.

«...Не все конструкторские замыслы Королеву довелось воплотить. Дерзкий план мягкой посадки автоматической станции на Луну был осуществлен продолжателем его дела. Потом были «Союзы», «Салюты»...

Да, жизнь и развиваются идеи, выдвигают Сергею Павловичем Ко-

ролевым, его стиль работы. Жесточайшая требовательность к интуитивной продукции» сочеталась у него с максимальным раскрытием способностей и возможностью каждого.

И теперь еще услышим в коллективе КБ такой афоризм Королева: «Если ты сделал дело быстро и плохо, то все скоро забудут, что ты сделал быстро, но долго будут помнить, что ты сделал плохо. Если ты работал медленно, но хорошо, то все скоро забудут, что ты работал медленно, но долго будут помнить, что ты сделал хорошо».

И еще остался в коллективе память о большой добровольности Королева к молодежи. Те, кто под его руководством начинал свой путь в космонавтике, всегда чувствовали его отцовскую руку. А случалось всякое. Один новичок так сильно устался делами, что забывал писать своей старой матери. И как стыдно ему было, когда мать сообщила, что ей написал Королев. Другой рассказывает: Сергей Павлович узнал от другой о его трудностях с жильем и пришел на помощь. Третий не может забыть встречу с Королевым на космодроме и то, как занятый сверх го-

ловый главный конструктор два часа знакомил его, новинка, с ракетным стартом, заботясь, чтобы он особенно хорошо пруска ракет на первых руках...

Из бумаги и черновиков, которые остались после смерти С. П. Королева, видно, что его волновали два замысла. Много лет он ментал написал (и уже начал писать!) творческую биографию К. Э. Циолковского, которого любил и почитал. Из сохранившихся набросков можно представить, каким интересным был бы его рассказ о великом учителе.

Королев давно задумал и изготовил труд по ракетно-космической технике. Мне довелось познакомиться с набросками плана, вариантами построения томов и разделов труда. «С берега Вселенной» — гордо-стыло писал С. П. Королев — «которым стала священная земля нашей Родины, не раз уйдя еще в незавершенные дали советские корабли, поднимаемые мощными ракетными носителями. И каждый их полет и возвращение будут великим праздником советского народа, всего передового человечества — победой разума и прогресса!»

АВИАЦИОННАЯ СЕКЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ОСОБАВИАХИМ СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПИЛОТСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 12

Королеву С. П.

Выдано настоящим тов. Королеву С. П. в соответствии с иными условиями вылета пилота-инструктора на всех типах самолетов.

Секретариатом ЦС ООС 31 октября 1930г.

Генеральный Секретарь Ц. С.

Секретариат ЦС ООС СССР

Особавиахим — опора мирового труда в области ЦСР.

длажал хорошо, правда, вместе было бы интереснее и, наверно, лучше. Правда, здесь есть знакомые товарищи по нашей совместной работе, а мы с ними вместе встречались. Они очень просили передать Вам привет.

Но наш отъезд подходит уже к концу. Сегодня мы улетаем. На несколько дней решили заехать в Оренбург к Вале и в родных. Отдохнули мы хорошо. Солнца было много, вода теплая. Купались, загорали, ловили рыбу, ездили в горы с охотой.

На Вашего письма все понял, очень жду встречи в Москве. Я туда прилечу числа 15. Мы все очень Вам желаем хорошо отдохнуть, поправить здоровье так, чтобы подобного вообще никогда больше не случилось. Я с Ниной Ивановной лечу посредственною. Какой зарарядок: крымский или хвалынский?

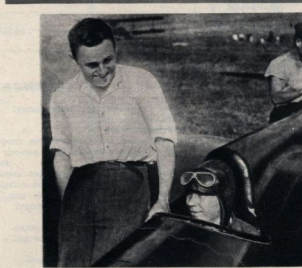
Желаю Вам всего самого доброго, главного, хорошо отдохнуть. До свидания, до встречи в Москве. Искренне уважающие Вас Юра, Валя, Лена и Галя.

8.10.62 г.г.

Королев и Гагарин оба начали свой путь в жизни в профессиональных школах. Сергей Павлович учился на черепчиника, Юрий Алексеевич — на литейщика. Нередко они вспоминали об этом.

Возвращаясь по поездке в Чехословакию, Юрий Алексеевич рассказал Сергею Павловичу, что чешские металлурги преподнесли ему бронзовую фигуру литейщика. «Эта поделка», — рассказывал Юрий, — живо напомнил мне начало трудовой жизни. И я сказал чешским товарищам: «Куда бы ни довелось мне еще полететь на космическом корабле — к Луне, Марсу или какой-нибудь другой планете, — я в душе всегда останусь рабочим». Сергей Павлович выслушал рассказ Гагарина с большим одобрением. «Всегда останусь рабочим», — с удовольствием повторил он слова Юрия Алексеевича.

«Когда Сергей Павлович лежал в больнице, его навещали Гагарин и Николаев. Тут же была и Нина Ивановна. Сергей Павлович, обращаясь к ней, попросил:

С. П. КОРОЛЕВ И С. Н. ЛЮШИН
ВРЕМЯ ВСПЫШКИ ПЛАНА
РА «КОКТЕБЕЛЬ». Снимок 1929
года.

С. П. КОРОЛЕВ С КОСМОНАВТАМИ.

Молодая поэзия Азербайджана испытала на себе не только благосклонное внимание великих мастеров прошлого. XX столетие и новое искусство революционной поры бросило решительный вызов поэзии созерцательной, «сладопоющей», порою ограниченному подражанием Омару Хайяму. Такие мастера советской поэзии, как Самед Вургул, привнесли в искусство прежде всего содержание, рожденное покорением пустыни, преображением жизни. «Каменная летопись Кабыстана» Вагифа Насибовича прямо перекликается с балладами о нефти Вургула, а Фигрет Годжа идет еще дальше, мыслит и видит в мысли, опережая время, прочно улавливая настоящее с будущим. Не случайно его «Шушу» знают азербайджанские школьники, а стихотворение «Моя свобода» стало гимном человеку труду, созидателю и желательнейшей профессии. В современной манере — своеобразно, с грустью и юмором — написал Фигретов и «Телефонный портрет поэта, не помнящего о покое, жаждущего деятельности».

В области молодой поэзии республика органично вмещает гражданственную направленность творчества Тофика Байрама, который учится у Маяковского и Вургула непримиримости к равнодушию, недаром же он восклицает: «Изменчивым ветрам не обмануть меня...»

По убеждению критики, молодая поэзия Азербайджана — она самых горячих рубежах искусства и жизни».

Вагиф НАСИБ

Каменная летопись Кабыстана

Этот барабанище поэзию или рано ударит палочками по барабану, каменными пальцами — был Кабыстана, взорвется, ударит веревки из камня, вырвется, взбесится, словно от рабы.

Этот барабанище поэзию или рано ударит палочками по барабану, каменными пальцами — Каспий проснется,

Каспий уду разорвет тугою, Каспий якову поднимет такую, что к берегам своим древним вернется.

Волны, как войны, пойдут, атакуя, в битвах морских, кознями, зашумят, загорланят... Барабанище, играющий на барабане, забарабанит, забарабанит.

Фигрет ГОДЖА

Шуша

Здесь, словно из подножия венцов, течет вода.
А скалы — это время.
Рассыпавшись на сотни огоньков, как радуга,
с ее цветными веслами,
глядят на солнце казаны.
Облака
успели, словно чайки, на вершинках.
По кручам гор звук свачает,
как по спящим.

Придет туман,
тогда уж не река —
становится ущелье океаном.
На островах-вершинах над туманом
стою я
и читаю скалы гор
чужденую, что может лишь
присниться.
Вот солнце поднимается жар-птицей,
и камни начинают разговор.
Гора светлеет, словно с неохотой.
Но протрубит лишь голос в вышине,

и скалы, как волшебные ворота,
откроются с протяжным скрипом.
И странно...
Где-то рядом век ракет
кричит про разрушительные ош
здесь, каменети, и времена-то лет,
тут спит оно
и крылья опустило.
Здесь гордость, величавость...

Утром алмаз
еще одной картиной красоты,
рассеиваясь, туман уронит скалы
и разберзет по лугам чистым.
Здесь все родное:
рядом и вдали.
Волнения и вздохом не нарушу...

За облака подымаются Шуша,
ты — самый древний памятник зем

Моя свобода

Вот солнце,
свернуив в голубой волне,
коснулось каспийских вод.
И солнце во мне,
и море во мне,
и дождь для меня идет.

Цветы я красивыми быть учу,
деревья счастливыми жить учу
и землю доброю быть учу —
это нетрудно мне.

И эти здания
все мом,

и степи дальние
все мом,
во всех садах мои соловьи,
и горы вокруг мом...

Так радостно видеть бывает мне
и птиц в веселой голубизне
и рыб, сверкающих в глубине,
игрой встревоживших воды...

Позтому волное сердце во мне.
Это и есть свобода.

Мамед АРАЗ

Призыв в горы

Поэт, у древних гор нищ опору!
Поток горластый,
праздника весну,
как ни влечет, а слышит очень скоро.
Ему не слыть с каменной безмолвных
зну.
У вод не хватил времени для спора.
Их бег, как время, приоткрыла и спор.
Самая земля — основа, корни гор.
Поэт, у древних гор нищ опору!

В тяжелый час ты приходи сюда.
Тыбе ответят горы вечней речью.
Еще не отбоясь, падет беда
в туман ущелья с безымянной
речке.

В камнях беду запугает вода
и вскоре в слезы обратит,
которым
не вечно быть и сохнуть без труда.
Поэт, у древних гор нищ опору!

Орлиный взгляд все видит
на земле...
И если поцелуешь ты влюбленно
тумана шаль на девичьей скале,
подойдешь допнии обступая, клыки
обидеть и спрочется во мгли.
Где знать мы, как чисты душою
горы.

Свой сказ в долине о добре и зле...
Поэт, у древних гор нищ опору!

В любви они равны любви самой.
Как сами горы, их любовь большея.
На плечи щедрость не кладут ступи
и, как суму, в ущелье не бросают.
Их молния собою ценной
не юнута,
не нападают сворой.
Они лишь званк их твердости земной.
Поэт, у древних гор нищ опору!

И если родника поманит гладь,
где нету отравления красавиц,
не торопись на скользкой берег
вспл
и не держись за ветви, что свисают
предательски.

Обманчива стать
у рыхлых степей.
Она подобна вору.
Пока есть рядом горы,
должно звать:
поэт, у древних гор нищ опору!

Бывает, зно не ответит мне...
Тысчелатье кричи, плач и пенье
скрывают горы в каменной стене.
Поэт, у древних гор учись терпению.
И если в будни, суетной волне
надеждат пустые разговоры,
ты в горы поезди,
напомним тебе:
поэт, у древних гор нищ опору!

Перевел с азербайджанского Валентин ПРОТОЛИН.

Моя вера

Наверно, я бы смог прожить без вдохновения,
 Без слезы и воды, без отчаяния и сна.
 Лишь веру потеряв, не встречу новый день я.
 Она — моя душа. Все существо — она.
 Терпюся, коль ее не чувствую в себе я.
 Я все свои мечты зажег в ее огне.
 А ранит ли меня или очень заболело —
 Лишь страстью приложу, и легче станет мне.
 Когда в конце пути жизнь мерится часам,
 Она — глоток воды, она — последний свет.
 Кто веру потерял — пусть даже лучший самый,
 Неельчат, чтоб потом совсем сойти на нет.
 Останется ее страна вставала грудью.
 Когда же возмужать мне время подошло,
 Я веру Октября у взаял орудий,
 Что, кончив правый бой, еще хранит тепло.
 И голос мой тогда сгинулся с гулом века,
 Чья нива и сейчас войной обожжена,
 Я убеждена во мня человека
 Бросаю в шар земной, как семена весны.
 Дождями клеветы не гасят убеждений.
 Такой огонь никто не сможет погасить.
 Я веру получив, как жизнь в дождик рожденья.
 И мне ее теперь весь век в себе носить.
 Да, я под стать горе, замешенной на веревке,
 Изменчивым ветрам не обманывай меня.
 Ее, как часовой святыню Мавзолея,
 До самого конца я призван охранять.

Друга я потерял

Друга в своего потерял.
 На глазах,
 Выдел сам, что терплю.
 Как себя я ему поверял,
 Безоглядно во всем доверял.

Он не вышел навстречу врагу,
 Не болезнью, не беда надломил —
 Друг не умер,
 И я не могу
 Даже выплакать боль над могилой.
 Мы делили и горе и хлеб,
 Делили вместе ходили, как братья.
 Если б друг мой, не дай бог, оплеял,
 Свое зренья ему мог отдать я.

Он теперь на себя не похож.
 Не узнать ни походки, ни ремчи.
 Глядя мимо меня:
 — Как живешь! —
 Он небрежно бросает при встрече.

Он оставил не только меня.
 Пусть бы так —
 Удручает не это:
 Все, чем жила мы, он поменял
 На уют своего кабинета.

— Где же друг твой? — волнуется
 мать —
 Я отдельно вас не представляю.
 Надо друга бы в гости позвать.
 Не обидя ли вас разделяет?

Не сказал ли ему резких слов!
 Позови же его.
 Что с тобой!
 Я такой пригостю вам плод.
 Друг — одно, обижаться — другое.

И приходится лгать поневоле,
 Хотя и матерю лгать нехотю.
 То скажу, что он завет, то болон,
 То ухаю, скажу, далеко.

— Где же друг твой...
 Действительно, где же!
 Друг мой перед глазами стонет:
 Если надо, бывает он нежен,
 Надо — он благороден на вид.
 Надо — с виду пылает огнем.
 Посмотрите — увидите сами...

Где мой друг! —
 Я ношу в сердце камень,
 И некролог написан на нем.

Причалы детства

Тем, кто дружит издавна с морями,
 Тем, кто отдал душу кораблям,
 Снятся деревенки с теремами
 и глаза тоскующие мамы.
 Над рекою сосенки да березки
 юный месяц, повяз на лучи...
 Радуюсь чему-то,
 на подмостках
 балалайка ласково бренчит.
 Голосок девчонки задронный
 заливает в песне спелое зерно...
 И теленок ласково мордой
 тычется в открытое окно.
 Протяни ему кусочек хлеба,

забеленный акусною соляцкой.
 Пес дворовый,
 старый и нелепый,
 гавкает на звезды за крыльцом.
 На шального
 лапа крикнет строго.
 Мама в инкву варена налет...
 Пыльная знаковая дорога
 на моря кого-то уведет.
 Пусть земля повидно немалю,
 пусть зовут чужие города,
 детства кончатого причалы
 с морскими радшиком всегда!

Братание

Никогда я лезгином не был,
 я — России родимый сын.
 А сейчас
 под кавказским небом
 среди лезгинов
 я сам лезгин.
 — Ржут в ущелье
 проворные кони,
 чувю,
 рядом уже враги...
 Пляшут черти,
 ах, кони, кони,
 брат мой названный,
 Ибрагим!
 Ярость держим
 в наденных шорах.
 Звезды ливнем летят
 с гор...
 В пистолетах —
 снайцев
 да порох,
 да и шашки
 острим-острым.

Уходить
 или
 насмерть драться!
 Постома за родные места!
 Двое нас,
 а пришьелые
 двадцать,
 арифметика тут проста:

каркает ворон,
 когтистой лапой
 схватит проворный юзкин кощм...
 Смерть крадется
 не к нам
 в саклю труса,
 а мы храбрцы!
 Мы порубим
 в огненной сече
 за свободу извечную гор...
 До чего ж удивительный вечер
 над Дербентом объята простира!
 Касный тышью его убояно...
 Неба призрачен оноем...
 Семь веков,
 семь тяжелых выюнов
 мы звалили на плечи явдоем.
 Тяжело, но...
 крепки колени,
 не уступим ношу другим.
 Двестя семь
 армянских ступеней
 насчитали мы,
 Ибрагим!
 Кто-то верит преданию слепо,
 только мы
 не из этих разных!
 Никогда я лезгином не был,
 а сегодня
 с лезгином
 лезгин!

Альберт КРАВЦОВ

Сталевар

Да будет очищение огнем
 Превыше нормы чугуна и стали.
 Когда металл в крутые формы льем,
 мне вернется, что ожигнет в металле
 горячие казакские поля,
 вершины Карти! под кавказским
 зноем,
 чуноктская, продрогшая земля —
 планета, что лесам мы застроим.

Заметны на руках моих следы
 от испир металла, въевшегося в кожу.
 Чеканщи! Покаян свои труды —
 не испри ли души моей в них тоже!
 Когда металл в крутые формы льем,
 когда металл в крутые формы льем,
 да будет очищение огнем
 и жизнью нашей
 и рождением стали.

1 Карти — Грузия (груз.).

Метрострой

в Тбилиси

Мы поднимались из колодца шахты
 на солнце,
 будто грешники, черны.
 Затем под дум брели
 походкой шаткой
 и здесь дышали воздухом парным.
 И постепенно приходили в чувство
 и черным милом драки бова.
 Продолжаемое трудовое искусство
 давалось через силу мне пона.

Подрагивали подо мной колени...
 Когда народ по фабрикам спешил,
 мы ранним утром после первой
 ссылаи
 шли на базар, чтобы поесть хаши.
 Друг чюсна нам ценовал иелудю,
 хрящи барань таяли во рту...
 И олония мой заспавный расудюч
 и вновь тиврикс и белому лусту.
 И наполняя жизнь ниде строи —
 я засипал, врубався в грунт во сие.
 Так метрострой, что мой учитель
 давал уроки памятные мне.
 строгий,

Степан Деревня

Владимир НАУМОВИЧ

РАССКАЗ

На первую встречу Радомир пришел раньше Божены. Долго вслушиваясь в шум березок. Темнота наступала на землю. Хотелось подняться с узкой и вожжи, сойти в вереск или на траву либо нычком. Забыть обо всем на свете. Но на сердце жгло. От тревоги. От какой-то внутренней раздвоенности.

Кровь стучала в висках. Была больно и жарко. Так бывает, если разгнать пылающий костер. Тогда нестерпимо пухнет жаром красный уголок. Жг застилает глаза, обжигает лицо, не дает смотреть на тыл.

— Ты?! — Парень вздрогнул.

— Как видишь.

— Пришла. Не обманула?

— Как ты мог подумать? К тебе прибегу хоть на край света.

— Правда, — говорит она глухо, с какой-то грустью в голосе. — Говорю о чистом сердце. Искривне. Надоело себя.

Девушка задумчиво поджала глаза. Сидящего столбека березки в тихой тревоге. Отжелевшие ветки деревьев прогнулись и покачивались от легкого ветра.

— Я не люблю Анастасю. Но что я могу поделать? Ходит, точно пришла тьма. — Не отговарь.

Ветер пробоякал по верхушкам берез, исшел за леском.

— Знаешь, — вдруг suddenly встрепенулась она. — Пойдем на Галаонову просеку. Там хорошо сейчас. Погуляем один.

Божена всколыхнула и первая вышла из молодняка. Так далеко они никогда не отходили от деревни.

Он дотягал ее, и они пошли рядом.

Вот и Галанова просека. Здесь рос сосняк.

— Анастася будто испуганный. Придет к нам в хату, и не выговорит. Каждый день приходит. А ты будешь приходить каждый день?

— Буду.

— Он сильный. С ним я ничего не боюсь. Могу сама над кем хочешь пошутить. Я же шуловатая. Мне бы только посмеяться над кем-нибудь.

— Надо мной тоже?

— Оставь. Мне с тобой хорошо. Знаешь, как я жду нашей встречи!

Родик не отстал. Он видел перед собой молчаливого, спокойного Анастасю. Радомир немолжно завладала ему.

Анастася жила с матерью, как раз напротив Божены. Тетка Адмычка, мать Анастаси, часто забегала к Вершиннику. И Анастася целыми днями вертелась возле хаты Божены. Когда не стало Божениного отца — считай, на двух хозяйствах управлялась. Верышка не могла нахвалиться хлапцом. Гордались, что тот заходит к ним, как в свой дом.

Парень не смогла глаза с Божены. Дядя Анастаси это была не просто баяка хата. Он не мог прожить без этой хаты и подаяния. Словно прирос к дому Вершинных.

Обо всем этом не раз думал Родик. Он, точно камень в воду, ворвался в этот покой. С тех пор как увидел Боженьку, он мог примириться, что где-то рядом будет она и он не сможет видеть ее. Смышлять ее.

— Ты не думай. Анастася — мой друг. Он добрый, послушный.

Родик знал. Он много раз видел их на посиделках вместе. Еще до того, как осмелился подойти к Божене. Она всегда шутит, замарает с Анастасиной Анастаси молчаливый, сдержанный. Лишь однажды Анастася пришла к Михасишке без нее. В той, третьей от края, хате всегда собирались посиделки Сюда сходился все. Приходили и такие, как Родик, и чуть моложе ребята из соседней деревни.

Во время танца Анастася нарочно пошла посреди хаты, баяке к диме, незаметно стукнула головой по лесу — керосином, обдала всех, кто танцевал. В хате темнело. Девчата подняли вожж. Бедам, кутерьма. Анастася мстила за то, что она на посиделки не пришла Божена.

Радомир не любил спокойного характера Анастаси. Знал — до поры до времени парень тихий.

— Родик, разве я могу запретить ему ходить к нам? Пускай ходит. Но люблю я только тебя.

Он отбился ее за плечи и крепко прижал к себе. Почувствовала, как она пришла к его груди, и боялся шуловатости. «Ой, как хорошо!» — тихо проговорила Божена. Радомир склонился над ее анимом и поцеловал в холодные мягкие губы. Они отпетый жаром долгом поцелуем. Радомира даже кадылку лад в сердце. Что, если это не настоящее счастье? А если настоящее, то не дадут ли!

Вдруг он увидел глаза. Бе глаза. В первое мгновение Родик едва не задохнулся. Наверное, так никогда не будет в этой и жизни.

— Ты кто? Рускаа? Коадууна?

— А что?

— Почему смотришь?

— А что мне делать?

— Не знаю. Я не могу так... Осапелу...

— А я, кажется, вижу далеко-далеко. То, чего никто и никогда не увидит...

Они прошли несколько шагов. Вокруг стояла ас. Было тихо и свежо.

Такого со мной еще никогда не было, — неожиданно призналась она.

Автобусы шли колонной. За Логюским дорогой пошла под уклон. Казалось, все машины съезжали с большой горы. Местность лежала неровная, все больше встречались пригорки, небольшие кручи.

Степан смотрел в раздумии. Он подыскал к повороту. Словно знала, «Хатыль».

Крутом резист реденькая березовая роща. Кое-где просвечивают прогалины полян. Березки стоят белые, застывшие. Местами среди березок видны темно-зеленые купки сосенок, можжевельничка.

Было десятиты, сотни людей в черном, сером, зеленом; в суконных, ситцевых, заматованных, посконных юбках, штанах, платках, синтахх преклоили концы у этого странном месте и застыли.

Ветер утих. Из-за леса не так мало, снег сползла, выкрился где-то там, в ложине.

На этом месте вырос новый лес. Старый выгорел.

Степан вышел из автобуса, прошлась вдоль дороги и останоена. Перед ним лежала знакомые контуры деревни. Он где-то видел такие же гнездовья, оставшиеся от хат, дороги из деревни в лес. Знакомые ворота. Усадьбы разбросаны в ложине, едва-едва можно различить улицу. Степан бросил взгляд в конец деревни и увидел там несколько бывших селений. Дворы уходили в лес, ютились в редком березняке. Усадьбы лежали и за пригорком. Возле са-

деревенело, окостенело все вокруг: и синеватое от снега поле, и упругие кусты вдоль дороги, и телеграфные столбы с тже-лами, провисшими от веса проводов, и непритупленный лес. Мороз пронизал насквозь все живое. Дул свирепый ветер.

Пять автобусов с земельным покосом на обшивке выехали меж суетливых легковушек и неухоженных грузовых машин за городом. Они тяжело выдыхали синеватый дым, глухо стучали, торопясь, казалось, сорваться на море.

За третьим поворотом остановились. Ждали, пока подойдут остальные. Степан высочился из автобуса, осмотрелся. Сразу у обочины начиналась ложина. Дорога высокая, ровная и укатанная. Они встали на самом яду — их легко увидеть. Ровный колонну.

Степан по густокому снегу шагнул за автобус, чтобы спрятаться от ветра. Степан высочился из автобуса, осмотрелся. Сразу у обочины начиналась ложина. Дорога высокая, ровная и укатанная. Они встали на самом яду — их легко увидеть. Ровный колонну.

Степан — высокий, плотного сложения, широкие, чуть опущенные вниз плечи, руки с широкими и твердыми ладонями, крупная с шевелюрой голова. На висках, на затылке блястеливые искринки седины. Ему более тридцати. Он приехал на республиканский конкурс пропагандистов. После недолгого перерыва город ему казался чрезмерно шумным, суетливым. Он так привык к своим Выганцам. Даже стал считать своей эту небожальную деревушку, куда его направил учитель-волонтер. Да и могло ли быть иначе? В родной деревне он не был педстадиатом лет. Школа, институт, снова школа, но теперь уже с классным журналом в руке. Связь с такой жизнью, в последние дни многое задала сделать по-своему. Возможно, и уйдешь.

Подходили новые автобусы. Они ехали в Хатыль.

У него свои воспоминания. У каждого своя Хатыль. Своя боль. Своя тяжесть на сердце.

Он хорошо помнит, как это началось. Все произошло так внезапно. Один день без стрельбы казался невероятным счастьем. Словно божий дар. Люди жили и ждали. Степан помнит себя больше при немцах, чем до них. Помнит, что перед деревней посреди дороги стоял высокий камень с железным крепостом.

Говорят, в страшные годы, когда мор и болезнь косила людей, люди несли и закапывали под камень полато, работу рук сушить. За ночь нужно было начесть лед, напирать ниток, наткать полато и, пока тепло, закопать под камень. Тяжелый труд той ночи стал избавление от мук всей деревне.

Степан вспоминает хату, родные лица баянских, сестру, мать, родственников и не может увернуться от надыхающихся мыслей.

Это была страшная история.

Степан припоминает, как впервые появился в их деревне Радомир. В Братковичев Дворах как-то врад заговорили, что Божена, Степанова сестра, бежит по ночам к Родкину из Житников, партизану первого комсомольского отряда.

Степан хорошо помнит, где встречались Родик и Божена. Ему самому нравилось бывать там. Тоненькие, стройные березки подступали к самым хатам. Здесь, в конце деревни, был желтый буторок. В затененном месте — узенькая лавочка из березовых жердочек.

Рисунок Василия АЙРУМЯНА

мого леса — ровными рядами. В обрамке дворы были один подле другого, ворота к воротам.

Сдерживая дыхание и боясь крикнуть, Степан двинулся к гнздовичцам бывших хат. Осмотрелся вокруг, повел глазами двор дворов, будто рещая, куда податься, в чей двор зайти.

Ветер утихнул. Снегом замело углы хат, заснегло тропки, широкой полосой перегородило дорогу. Ветер гнал его из лесу, с пригорков. Образовал сугробы около ворот, засыпал ступеньки.

Степан стоил и глядел на деревню.

Родик давно не видел Божену.

Под вечер они выехали в Браточковы Дворы за сеном. Родик сам вызвался поехать. Он надеялся встретиться с Боженой.

Ехал он на четвертом возу. Снег уже сошел с полей. В лесу же еще кое-где лежала под кустами. Радомир думал о Божене. Когда выехал из лесу, увидел тоненькие, нежные ветки перелесок. Сосочка с воя и нарвала небольшого букетик. Положила около себя на сляжавшемся прошлогоднем сено, по-чернее от дождя.

Брали сено в четырех хатах. Радомир сразу свернул на загнуемые и оттуда съехал к стожку на Боженном дворе. Вышла мать Божены Бериха.

— Берите, хлопички, только помочь некому. Извините. Подам сама. Все равно пропадет: коровы нету.

Под руками вертелся он, Степучок, младший брат Божены. Родик с ним частенько виделся и знал, что парнишка рад ему и очень хочет быть к нему поближе.

В хате огня не было. Родик не спросил о Божене, хотя все время думал о ней. Где она? Стемнело на глазах. Воз Родик наложил разогий, широкий. Не теклой, конечно, как тогда на сеносе, но достаточно адекват. Увязал, огрел. Но еще долго медлил, топтался возле коня, переменился у воя с сеном, прощупывая крак.

Остальные подводы уже отправились обратно, скоро не стало слышно их скрипа. Деревня затихла.

Родик выехал за гумно, остановил коня. Осмотрел еще раз воз, подоткнул концы веревки.

— Родик, я с тобой поеду. Самничий! Поеду, и все. Не пустишь на воз, побегу за подовой. Прищелюсь за рубель и поеду.— Это Степучок.

Родик вспоминал, что обещал парнишке взять с собой в отряд. Припомнил, как плакал Степучок, когда хоронил отца. Мужчины не могли удержат, вырвались и падали ступи на грудь. Вспоминает мамой.

Но какой из него вояка! Винтовка петки отбьет и плечо оторвет. Разве что к хозяйству приставить.

— Послушай, Степучок,— отвалился Родик.— Где Боженя?

— Дома нету. Говорил, что пойдет к Садичичню.

А ты хорошо знаешь, что она там? Мне не хочется ходить по хатам.

— Возьмешь в отряд,— скажу. Что мне с этого моего не сойти. Дай слово, что возьмешь.

— Ах ты, постраивоник! Мать шкуру спустит да приволочет домой из лесу. Только сонная глотать будешь.

— Не буду,— обещался Степучок.— Хочешь увидеть Божену— иди под Тимоних амбар. Там сидит с Анастасом. Он еще с вечера у нас. А как узнали, что из отряда за сеном приедут, ушли из дому. Мама прогнала. Пускай, говорят, люди знают, что дома никого не было...

Родуку стало больно. Значит, знала, что и он может приехать. Эх, зачем он поехал! Пускай бы оставалось все, как было прежде.

— Слышь, Степучок. Будь околом воя. Я приду.

— Ты не сердись, Родик. Боженя просто так с Анастасом ходит. Он нам помогает. Боженя мне сама говорила, что ты самоучущий.

— Лезь на воз и сиди. Не бойся. Тут не страшно.

— Я и не боюсь. Подсади, буду лежать на возу и ждать.

Родик подсадил парнишку на воз, и тот зашуршал, обкалываясь сляжавшимися охапками перемерзлого сена.

У Радомира созрел свой план.

Он вскинул свои пожитки на воз: кожан, кнут, подка маламу вожжи.

— Вылезай за деревню и жди меня там.

Наступала ночь. Под одеждой запозала холод, и от этого, а возможно, от воянения Радомир почувствовал непреодолимую дрожь в теле.

Он пошел быстрее.

Боженя и Анастас сидели на складных в кучу бревнах возле сруба. Родик сразу даже не узнал ее. Подумалось вначале, что это другая девушка.

— Добрый вечер,— показала Радомир из темноты.

— Ой,— Боженя оперлась на венец сруба.— Кто это?

— Не бойтесь. Свои. А может, чужие?

— Откуда ты?— Боженя спрашивает так, словно ждала его. Словно он, Родик, только на минуту куда-то отлучался.

— Все оттуда. Не ждали меня?

— Ждали,— ответила девушка.— Только что про тебя говорили.

— Легко на помине, значит?

— Звучит, легок. Сидишь рядом.

Родик остался стоять. Говорить не хотелось. Старался сдержат себя, преодолеть возбуждение. Боженя заговорила первая. Она смотрела на Родика, и лицо ее светилось. Непривторное, открытое лицо. Казалось, ей дела нет до того, что тут Анастас. Словно и не было никого, кроме их двоих, Радомира и Божены. И она рада этому.

На ней была выткан стеганая жилетка, на плечи накинута теплая бекеша с воротником и длинными рукавами.

Родик взглянул на Анастаса. Тот сильно затягивался цигаркой.

— Пожару наделаешь,— накинудался на него Боженя.— Куршиш и куршиш. Да не молчи ты.

— А что говорить?

— Вот уговариваю его пойти вместе в отряд. Я тоже пойду.

— Чего меня уговаривать?— Анастас злился.— Абы взял.

Разговор не клеился. Боженя замолчала.

Уходить Родуку не хотелось. Стоя она и не сводила глаз с Божены.

— Ну чего околываешь? Так и будешь молчать?

— Надо идти.— Радомир сделал шаг к Божене. Заглянула ей в глаза.— Вот. Это тебе. Лесной подарок.— И протянула Божене перелески. Холодные, мягкие и нежные стебельки первой зелени.

— Спасибо.

— До встречи.

Радомир не помнил, как свернула на тропку за амбаром, как скрылся в

молодая гвардия

издательство ЦК ВКСМ
издательство ЦК ВКСМ

Наш корреспондент попросил рассказать руководителей и сотрудников органа Трудовое Красное знамя издательства «Молодая гвардия» о прошлом, настоящем и будущем популярного издательства страны.

Валерий ГАНИЧЕВ, директор издательства «Молодая гвардия»

800 миллионов книг за полвека... От книг Горького, Маманова, Николая Островского до «перестройки» наших дней — таких талантливых советских писателей, как Михаил Дудин, Чингиз Айтматов, Юрий Рытхуэ, Владимир Соколкин... Что это, итоги и юбилей? Обнадеживающая статистика? Нет, наша посвященная жизнь. Вплоть до экономические результаты, обусловленные общезначимыми успехами советской литературы и давней деловой и сердечной дружбой комсомола с писателями страны.

У этой дружбы свои корни и традиции. Издавать не только публикует авторов, впервые приписавших свои рукописи на суд читателей — а таким рукописям, ставших впоследствии книгами, тысяч! — но и само нити, открывая имена, воспевают надежностью и талантливостью литературную смену. Свои цифры? Пожалуй, и тут не обойтись без них. Издавая ежегодно тридцатипяти тысяч новых книг, комсомольские органы много мероприятий, способствующих пропаганде книги, патристическим заездам многонациональной армии комсомольских активистов, а также форумы и фестивали многонациональной молодой литературы разных языков. Комсомол имеет давнюю на лучшую книгу, посвященную советской молодежи, или «Юбилей молодой книги» — об этом знают наши читатели, и этому с профессиональным интересом и всей ответственностью откликаются наши авторы, писатели, поэты, журналисты, ученые, номоснауты, основательники, рабочие, партийные и комсомольские работники.

В первый же год своего существования издательство нашего Ленинского комсомола «Молодая гвардия» издаёт документ исторической важности — речь Владимира Ильича на III съезде РСФСР «Нашим делам и пути комсомолец». Там была названа программа с речью вождя. С тех пор и по сей день издаются в издательстве партийной, комсомольской и пионерской литературы — важнейшая наша задача. И 100-летие со дня рождения Ильича было отмечено, например, выпуском документальных, публицистических и художественных книг — «Ильич в школе». Более двадцати книг выпускает «Молодая гвардия» и юбилей образования Союза ССР. Четырехмиллионной армией ежегодно выступают в комсомольской дружбе библиотека, которая так и называется: «Вступлению в комсомол».

Полвека под руководством партии и комсомола шагает «Молодая гвардия». В дни своего юбилея она, как всегда, гордится своим прошлым вершинами, намеченными историческими решениями XIV съезда КПСС.

Ольга МАМАЕВА,

редактор редакции советской
современной литературы

Часто спрашивают: «А правда ли, если рукопись романа послать в издательство, печатается?»

Издательство «Молодая гвардия» создано в 1922 году. В настоящее время существует выпуск 17 книг тиражом 584 тысячи экземпляров. Теперь ежегодно выпускается 358 книг общим тиражом 40 миллионов экземпляров.

Роман Н. Островского «Как закалялась сталь» впервые выпущен отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия» в 1925 году. В настоящее время издавался в нашей стране и в русском 364 раза общим тиражом 13 миллионов 940 тысяч экземпляров, 26 языков народов мира.

За годы войны издательство «Молодая гвардия»

Возьму никому не ведомого автора — и пошлю-ка в издательство. Работать он должен десятилетия в издательстве, могу абсолютно твердо сказать: «Да, возьмут! Да, начнут читать! При одном-единственном условии: если это талантливо.»

Так было с рукописью колхозного механизатора Ивана Корнилова. Теперь его книгу «Чайки и чайники» знают читатели, а Корнилов пишет после выхода этой книги в Союз писателей. Там же случилось сложилось судьба рукописи Егора Гончарова: книжка «Как забывают грозы» была принята на конкурс имени Николая Островского и увидела свет.

Но чаще все-таки литературный путь начинающего писателя Рабочий Иван Зубенко пришел с первой своей рукописью на совещание молодых марксистских писателей. Рукопись, одобрили, больше чем мы издали «Юности в солдате» — талантливую книгу. Надо отметить, что там, как Зубенко, обладают прежде всего болающим запасом жизненных наблюдений. И такое наслаждение работать над рукописями авторов, которые пору ученичества, творческой незрелости преодолели еще до первой своей книги, предельной и востановил.

Но молодой писатель не всегда бывает двадцатилетним. Я вспоминаю, как вошел в мой кабинет Григорий Федосеев. Путешественник, охотник, удививший по меньшей мере сотню медведей, он мекся и трепещ. Он вовсе не был уверен, что его, автора тогда только одной изданный в Сибири рукописи, стоило называть телеграммой в Москву... А потом год от году будет крепнуть самодурный его талант. И книги Федосеева, «Молодой гвардии», увидят свет во многих и многих странах...

Иван СОЛЕНОВ,

старший технический редактор

Наверное, это были самые волнующие в моей жизни моменты — технического редактора... Мне пришлось вычитывать верстку романа «Как закалялась сталь» и перенести в издательские списки правку Николая Островского. Навсегда запомнился его почерк, угловатый, жесткий, с мурчаными буквами, как бы шагающим друг за другом в солидарности строю.

Обстоятельство? Нет, не вышло. Но на фронте нашей ссоры оторвал в окопах мне попалась пробитая пулями та самая книга, которую и корректировал. И мне попалось — и там запомнилось на всю жизнь — будто рядом с нами, в партизанском лагере, сидели на кругу первичного взвода бы тот, чью книгу читали боишь украинцами, в краткие промежутки между боями...

Не могу представить авторской коллектив издательства без таких героев нашего времени, как Николай Островский, Иван Ковалев, Юрий Гарагин. Проводя хотя бы день в библиотеке «Молодая гвардия», можно прожить полвека, потому что страна в боевом освоении новых земель и строительстве молодых городов. Мы, ветераны издательства, помним, что в 1922 году вышло свет более семидесяти книг общим тиражом 584 тысячи экземпляров. И уже тогда это были не только — и не столько — книги из круга первичного чтения. Это была качественно новая литература нового, нарождающегося мира. У нас издавались тогда Дерзновенные дачники, Вайрус, Струпака, Луначарский, Постышев, Рудутан. Круге большевики учили молодежь жить, думать, творить по-новому. Следуй именно этим примерами в традициях, сейчас издаются сборники «Революционный дерзните шаг, серия книг «Тем же герою комсомол», первая книга публицистики «Учишься у Ленина», неизменный спутник молодых агитаторов «Ругозор». Да и много, много другое!

Подрастком почти пятдесят лет назад пришел в издательство. Ученик корреспондента... Коррентор. Старший технический редактор... Самая скромная должность — и в то же время ни с чем не сравнимая радость при выходе книги, в которой завтра заговорит все страна. Одно сознание того, что твои рабочие руки помогли родиться книге, как бы приобщает тебя и труду писателя, художника, журналиста. Ведь это наш общий труд!

Я вырос в издательстве. И теперь не могу оставить своего работы: четырнадцать молодых книг коллег каждую смену нуждаются в совете, помощи, поддержке...

Николай СТЕННИ,

печатник

В пролетах нашего шека, на этажах издательства вывешены плакаты «Мы их печатали!» — и там слышно: «Товарищ Ты можешь пригласить на работу и нам своих ровесников, вчерашних одноклассников, своих соседей, своих братьев и сестер...»

Неужто у нас так плохо с кадрами в типографии, что нужно в подобной ситуации идти? Нет, здесь дело в другом. Партийная, комсомольская и профессиональная организации заботятся о том, чтобы инициатива и инициативы. Рабочие династии в производственных цехах издательства, чтобы ты, товарищ, мог поучиться за новичка и знай, кому передашь опыт, кого устроишь своему делу...

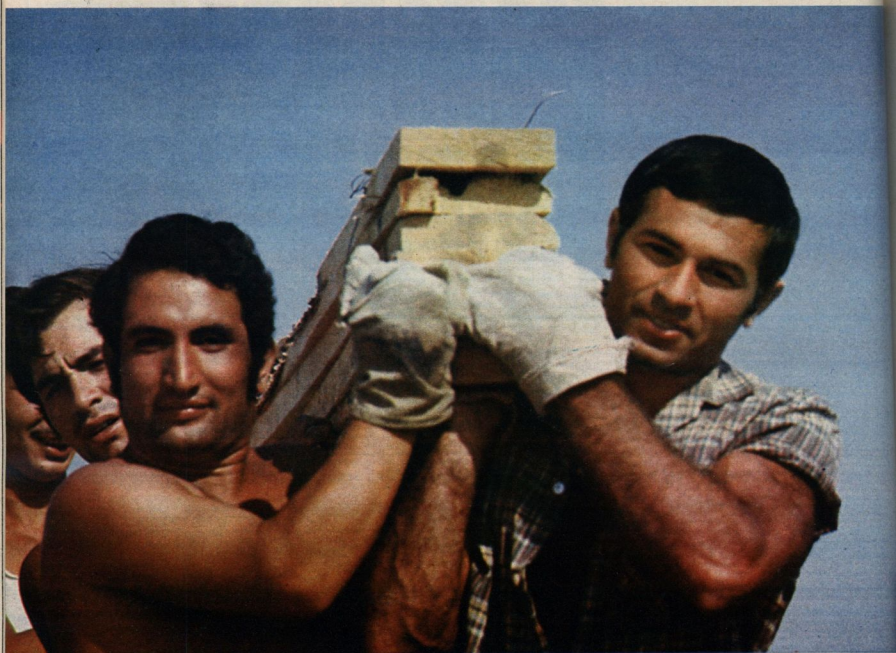
И люблю свою работу. Мне нравится быть первым читателем журнальных и книжных страниц. Я горжусь, что у нас одна из лучших полиграфических заводов страны. Еще в прошлом году дополнительно смонтированы и сданы в эксплуатацию две восьмиклассные и одна десятиклассная рабочие офсетные машины. Ведется монтаж отечественных двухкрасочных машин. В будущем, 1975-м войдет в действие автоматическая поточная линия для изготовления книг в твердом переплете, автомат для изготовления переплетов.

Мы, молотовградцы-печатники, зовем в свои цеха лучших комсомольцев столицы. Мои ровесники могут прочесть в наших пролетах этот плакат: «Товарищи!»

Редакция журнала «Смена» и ее читатели поздравляют издательство «Молодая гвардия» с первым пятидесятилетием и желают еще больших успехов в деле коммунистического воспитания советской молодежи.

ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА:
Н. Островский, А. Фадеев, В. Манюгинский, Н. Дубовый, В. Чингизий, Я. Смеляков, В. Фирсов, О. Сулейманов, В. Чинкин, Ф. Насадкин.

Писатели-«молотовградцы» — лауреаты литературных конкурсов:
ИМЕНИ Н. ОСТРОВСКОГО:
А. Вайрус, А. Мериулов, Л. Жарнин, А. Сажин, Ф. Чув, З. Иуралова, Ф. Алиева, И. Туро, Ю. Гарагин.
ИМЕНИ А. МАМАЕВА:
Ю. Гараев, В. Зарутини, В. Устьянцев, Н. Малыгина, Б. Петров.

Анатолий БАРАНОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты «Смены»

МАСТЕРОК ПОД ЗНАКОМ ИНТЕГРАЛА

Ч то чувствует человек, приезжающий после долгого отсутствия в родные места? Счастие возвращения и болязнь, потерявшая в нем влчательнста детства. Он полон воспоминаний и надежд, безотчетной радости и грусти. Жадно всматривается и узнает старые дома, камины мостовы, а иногда и прокоших и остро воспринимает все перемены.

Что-то похожее происходило во мне, когда я шшел с московского поезда на тихой станции Гагарина, хотя впервые приехал в этот старинный город.

Последний раз я работал в студенческом строительном отряде семь лет назад, а кажется, будто только вчера пел вместе с друзьями у ночного костра нашу любимую «Планета «Целина». Впрочем, свою студенческую форму я хранил до сих пор. Возновился я перед встречей с бывшими студенческого строительного отряда, поднимающим город Гагарин, и шел к ним, как на свидание с собственной юностью.

В марте 1972 года Секретарем ЦК ВЛКСМ приняла предложение Центрального штаба студенческих строительных отрядов о шефстве над родным городом Юрия Гагарина. Едва сообщение об этом появилось в печати, десятки тысяч добровольцев предложили городу свои силы и знания. Только в адрес горисполкома пришло полторы тысячи писем. Стать гагаринцами хотели квалифицированные строители, инженеры и рабочие. И кем пришлось отказать. Работой их обеспечить можно было, жильем — нет. Правда, сейчас строится несколько жилых домов и большое общежитие специально для строителей, а значит, еще немного времени — и добровольцы смогут услышать короткое: «Ждем!» А пока студенческий отряд является основной строительной организацией города. По крайней мере в летнее время. Но командир отряда, инженер Московского энергетического института Станислав Коробов, считает, что у студентов есть возможность не ограничивать се-

бя одним временем года, хотя бы по отношению к подшефной студенческой стройке — городу Гагарину. У многих студентов есть возможность работать на стройке в сентябре и даже в октябре. Быть может, следует вспомнить и не такую уж далекую историю «снежной целины» — работу во время зимних каникул.

В объединенном студенческом строительном отряде имен Ю. А. Гагарина почти триста бойцов, лучшие из студентов Москвы, Рязи, Баку, Алма-Аты, Харькова, Смоленска. Лучшее было превеличии. Например, на поезду в составе отряда «Хазар» противостало полторы тысячи студентов Азербайджанского политехнического института. Выбрани пятьдесят. Отряд «Эрглис» Рижского института инженеров гражданской авиации завоевал это право, выходя три года подряд победителем в соревнованиях среди студенческих коллективов республик...

Строительная программа у объединенного отряда весьма обширна: надо освоить свыше шестист тысяч рублей капиталовложений. И всего за два месяца. Для сравнения хочу сказать, что годовая программа местного СУ-6, располагающего большим количеством квалифицированных рабочих, составляет один миллион шестист тысяч рублей. Объекты у студентов самые различные: жилые дома, гостиницы, типография, ошецерзавод, теплотрасса... Но самый главный — школа. Школа № 1, школа имени Юрия Алексеевича Гагарина. Она только выходит «на ноль», но даже в чертежах это современное четырехэтажное здание выглядит красиво, воздушно, оно пронизано светом. Когда в начале лета на картофельном поле студенты копали первые траншеи под фундаменты, на помощь им пришли и учителя и ученики Гагаринской школы. Вместе со студентами они работали здесь в день Всесоюзного воскресника. Деньги, заработанные в этот день студентами нашей страны (примерно 2 500 тысяч рублей), пойдут на строительство уникального детского комплекса с бассейном и спортивными залами, ракетогордом и пионерской гостиницей, учебными мастерскими и аудиториями. И этот комплекс, и школа, и весь новый город должны быть достойными памяти первого космонавта. После воскресника в адрес гагаринского отряда пришли сотни телеграмм от студентов из разных уголков страны. «Путь денег, заработанных нами, помогут сделать Гагарин самым красивым городом. Отряд Ростовского мединститута». То же пожелание во всех телеграммах.

Девятое лето подряд ездит Стас Коробов на студенческие стройки. Каждую осень после шумного студенческого бала он говорит себе «завтра», а весной ползает глазами по карте и снова собирает отряд. Ми в одно время работал в Целиноградской области, может быть, и встречался, по крайней мере я бывал в совхозах, где он строил дома и фермы, и у нас оказалось много общих друзей и знакомых.

— Вспомниши! — предложил Стас. Согласился с некоторой долей робости, но у рук тоже есть память. И мастерок был вপুর, и шов выходял вроде бы ровный, как в давние годы, и росла перед глазами стена. Работали, пока Сергей Анисимов, дипломник Московского авиационного института, бывший у нас подсобником, не предупредил, что кончился раствор. Мне показалось, он обрадовался этому.

— Устан!

— Вам помогать — один отход. Попробовали бы с Ниной Бессмертных поработать, ей и двух подсобников мало.

Она впервые завлзла за мастерок в прошлом году, когда отряд энергетического института работал в Подмосковье, а сейчас уже считается признанным камешником, хотя у многих бойцов опыта больше, — по три-четыре раза ездили с отрядами. Во время Всесоюзного воскресника Нина вела кладку школьного здания, подсобником у нее был Герой Советского Союза летчик-космонавт Г. С. Шонин. Все у нее получалось в тот день. Работала как будто автоматически, но красиво. Правой рукой растлила раствор, а левой в это время, не глядя, брала кирпич, несла его к стене, укладывала точно, отбирала вышедший из шва лишний раствор, постукивала ручкой мастерка по кирпичу, словно проверяла, на месте ли он, или точно ставила. Происходило это гораздо быстрее, чем я рассказываю.

Правой.левой. Быстрее. Еще быстрее.

— Раствор!

— Кирпич!

И космонавт бежал с лопатой раствора, подбирывал в стене кирпичи, сдвигал на лоду капли пота и торопился снова за раствором. А Нина вдруг вспомнила, на кого она покрикивает, на мгновение испугалась, остановилась, огляделась вокруг, увидела молчаливую, сплуженную суету большой стройки, и через минуту снова раздалась ее требовательное: «Раствор!»

В конце дня Георгий Степанович попросил у Нины мастерок и сам положил несколько кирпичей

СИНХРОННОЕ УСИЛИЕ.

КИРПИЧИ ПОД МАСТЕРОК.

ИЗ РУК В РУКИ.

в здание школы, носящей имя его товарища. Нина придирижно осмотрела его работу и похвалила: «Из вас бы и каменщик хороший получился».

Накануне Дня строителя должен был состояться конкурс каменщиков, плотников и землекопов. Нине очень хотелось защищать честь москвичей, и втайне она чуть-чуть надеялась, вдруг ребята назовут ее фамилию, хотя и знала, что есть в отряде каменщик поопытнее.

От москвичей в конкурсе участвовал студент МЭИ Георгий Кузин. Работал он неторопливо, но основательно, и к его кладке ни один эксперт не смог бы придираться. А качество — основное требование конкурса. В Кузина верили, за Кузина болели. Я тоже переживал за него, внимательно следил за его работой и время от времени уходил на разведку к участкам, где торопились лучшие каменщики студенческих отрядов Смоленска, Харькова, Алма-Аты и Баку. Жора не торопился. Не торопился, кажется, и рижанин Вилли Буш, но в его отточенных движениях было столько красоты и изящества, что победа Буша ни у кого из зрителей не вызвала сомнений.

Первой бросилась поздравлять победителя преподаватель Рижского техникума советской торговли Аусма Скубинь. Четыре года назад она окончила Московский институт народного хозяйства имени Плеханова, возвратилась домой. Из веселой студентки она превратилась в строгого преподавателя, но часто вспоминала студенческие годы и летние стройки. Воспоминания никогда не возвращают молодости, ее берегут наши дела. И, случайно узнав, что отряду «Эрглис», уезжающему на Урал, нужна повариха, Аусма помчалась доказывать свои кулинарные способности. Три года ездила она с отрядом, а этим летом не смогла: не отпустили преподавательские дела. И все же она приехала на неделю проводить свой отряд, своих друзей, отдохнуть, как она сказала. И всю неделю, не меньше десяти часов, ежедневно

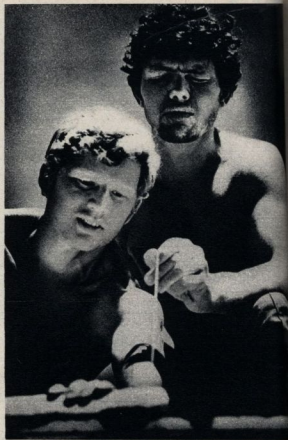
КАЧЕСТВО КЛАДКИ! ХОРОШЕЕ! НО МОЖНО ЕЩЕ ЛУЧШЕ!

«отдыхала» на объектах, носила кирпич и раствор, копала траншеи и бетонировала фундаменты. И была счастлива.

Вряд ли я смогу точно объяснить, почему так дороги эти отряды тем, кто когда-то работал в них. Ведь работа студентам достается, как правило, самая тяжелая и отнюдь не самая денежная, и рабочий день длится как минимум десять часов, и дисциплина в отряде почти армейская. А кроме стройки, у студентов еще масса обязанностей: лекции, концерты, работа с подростками, а зачастую и со взрослыми... Чем же притягивает к себе студенческая стройка? Может, тем, что дает молодому человеку чувство собственной необходимости, самостоятельности, причастности к большому делу? Она проверяет его не на силу мышц, а на силу духа, на крепость характера, на чувство товарищества. Бывали на студенческих стройках и люди, думающие только о себе, о своей маленькой карьере, но такие дважды с отрядом не ездят. Стройка, как рентген, просвечивает душу ребят, для всех ты открыт, и каждый знает, чего ты стоишь. И если человек живет лишь для себя самого, сдать экзамены за третий семестр он не сможет.

Год назад, выступая на Всесоюзном слете студентов, товарищ Л. И. Брежнев дал высокую оценку самоотверженному труду строительных отрядов: «Работа этих отрядов лишней раз доказывает, что участие студентов в общественной жизни — это не игра в самостоятельность, а полноценная, практически полезная деятельность, которая много дает молодому человеку, развивает чувство ответственности, приносит признание общества».

Бойцы объединенного отряда имени Ю. Гагарина, а вместе с ними и жители города совершили в

У ОТРЯДА КАЖДОЙ РЕСПУБЛИКИ БЫЛ СВОЙ ПРАЗДНИК СО ЗВАННЫМИ ГОСТЯМИ.

МИНУТА ДОСУГА — МИНУТА РАЗМЫШЛЕНИЯ...

эти летние месяцы заочное путешествие по пяти советским республикам. Недели братских республик, сменяющие друг друга, стали большим фестивалем дружбы, посвященным 50-летию СССР. Студенты соревновались в исполнении народных песен и танцев, угощали друг друга национальными блюдами, рассказывали о достижениях своих республик. Бакинцы устроили настоящую чайхану, где латыши и украинцы пьют по вечерам чай и играют в вечные нарды. В баре, любовно украшенном рижанами, всегда есть холодный кофе с обязательной соломинкой, а красочная юрта, которую поставили алма-атинские студенты, привлекает не только гагаринских ребят. Москвичи и Надежда РСФСР испекли огромные караваи — хлеб-соль друзьям из братских республик.

Итоги соревнований между отрядами подводят регулярно. Учитывается не только количество выкопанного грунта или уложенного бетона, а еще добрый десяток показателей вплоть до чистоты

комнаты и заправки кроватей. Штаб — орган демократический, спорт здесь иногда до хрипоты, а места все же распределяют. Кому что достанется. Но по заслугам.

— Даже не предполагал, что можно так работать. Вы же видели, без отдыха, без перекуров, а нам даже третьего места не досталось, — жаловался мне командир «Хазар» Фаимья Мамедов. — Как домой вернемся! Обидно будет, скажут, плохо работали, если не победили. Обязательно скажут.

Действительно, могут так сказать бакинским студентам. Особенно те, кто не смог попасть в отряд по конкурсу. Но кто видел, что «Хазар» работал отлично. Впрочем, так же, как и другие отряды. Но первый — лучший среди равных, даже если это определяет только фотофиниш. Примерно так определил рижане москвичей в соревновании за право поехать в Звездный городок после окончания третьего семестра. «Эрглис» поедет в полном составе, а вместе с латышскими студентами гостями космонавтов будут лучшие представители всех отрядов. Но кто они, лучшие? Я познакомился и, смею надеяться, сдружился, со многими студентами. Среди них нет похожих, разные люди; но выбрать из них лучшего я бы не решился.

В День строителя на праздничной сцене городского Дома культуры мужественную самодеятельность студентов сменили выступления артис-

тов из СУ-6, и снова студенты пели, показывали эстрадные миниматеры. И зал взрывался аплодисментами точно так же, как и час назад, когда студенты по очереди с профессиональными строителями подходили к трибуне и начальник управления вручал им грамоты и ценные подарки.

День строителя давно стал студенческим праздником.

— Я очень рада, что именно студенты строят наш город, — сказала Анна Тимофеевна Гагарина, мать первопроходца космоса: — Юра всю жизнь учился, учился упорно и отлично.

— Они же скоро уедут, — вздохнула вдруг сидевшая рядом со мной девушка, — а потом из так долго ждать. Целый год!

В этом вырвавшемся признании, наверное, много личного. Но ведь нового приезда студентов будут ждать и руководители города, и строители, и школьники, и... в общем, мне кажется, их будут ждать все гагаринцы.

А люди всегда возвращаются в те места, где их очень ждут.

Моя поездка в Гагарин была прикосновением к своей и чужой молодости и надеждой на ее новое продолжение.

Я шел по уже знакомым мне улицам, прощаясь со своими новыми знакомыми и твердо верил, что вернусь еще сюда с тем самым чувством, с каким человек возвращается в свои, с детства родные места.

С начальником учебного цеха Харьковского тракторного завода Павлом Андреевичем ЯРМОЛЕНКО беседует кинорежиссер А. КАРАВАЕВ

Алла Андреевна Ярмаленко я знаю давно. Мы часто встречались, говорили с ним о проблемах трудового воспитания, порой спорили. В результате этих споров появились сценарий, а потом уже и сам фильм «Стеклояныя дьвэра». Я получила много писем от учителей, школьниц и родителей. И понял, что много в моем фильме осталось «за кадром». После этого состоялся еще один разговор с Павлом Андреевичем.

Учебный цех ХТЗ можно с полным правом назвать экспериментальным.

Вот уже десять лет здесь идет исследование «отладка» сложнейшей механизмы выбора молодыми людьми своего жизненного пути.

Перед советской молодежью открыты все двери. Но широкие возможности — это еще не синоним счастья, нужно найти свое собственную дверь. Есть еще интересы общества — как согласовать их с интересами отдельной личности? «От каждого по способностям...» — эта часть формулы социализма требует, чтобы «коэффициент полезности действия» каждого гражданина был максимальным.

Однако социологи дают нам не слишком оптимистичную картину. В крупных городах из 10 выпускников средних школ 9 стараются поступить в вуз. Причем молодые люди знают о своей будущей профессии часто понаслышке, в общих чертах, а иногда просто идут в институт, куда легче поступить...

Но вот другие формы — из 10 вакансий, зарегистрированных, например, в Харькове, 9 приходится на «рабочие» профессии.

Как примирить это противоречие? Как помочь молодым людям найти свое место в трудовой жизни? В учебном цехе ХТЗ ищут пути решения этой проблемы огромной государственной важности. Ищут успешно: Харьковский тракторный награжден премией Ленинского комсомола за трудовое воспитание и профессиональную ориентацию молодежи.

Первый вопрос, казалось, какой-то неглавный и далекий от магистральной темы, а задал начальнику цеха до того, как мы начали учебные посещения, еще когда шли по длинному, зеркально чистому коридору:

— ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ, ПОЧЕМУ ВСЕ ДВЕРИ ВЕДУЩИЕ В КЛАССНЫЕ КОМНАТЫ И НА ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ УЧАСТКИ, СТЕКЛЯННЫЕ? ЭТО ЧТО, ДЛЯ КРАСОТЫ?

— Все почему-то задают этот вопрос первым. Нет, не для красоты. Это педагогический прием и, если хотите, символ деятельности цеха. Ребята, приходящие сюда, должны видеть все, что делается на каждом участке, в лаборатории или классе. Может быть, что-нибудь их здесь заинтересует. Человеческое восприятие — дело сложное. Каква-нибудь деталь, случайно подсмотренная, может по-особому приковать интерес. Конечно, молодые люди много слышат о профессиях и в школе, и на встречах с рабочими-педагогами, и по радио, и по телевизору: профессиональная ориентация — тема нынче модная. Но помните поговорку? Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

— НО, НАВЕРНОЕ, «УВИДЕТЬ» ПРОФЕССИЮ ИНТЕРЕСНЕЕ В ЦЕХЕ НАСТОЯЩИМ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ, А НЕ УЧЕБНОМ?

— Думаю, мы не совсем правы. Прежде всего оборудование нашего цеха мало отличается от заводского. Но тут дело в ином — особый психологический настрой возникает у юноши или девушки, когда они видят, как работает их сверстник. Тут уже могут, что называется, «зацепиться руками»...

Конечно, увидеть мало. Здесь может родиться только первый, робкий интерес. Нужно еще и «протоптать» то, что тебе приглянулось. Мудрую поговорку есть смысл продолжить: чем сто раз увидеть, как работают другие, лучше один раз самому поработать!

Стеклояныя дьвэра нужно открыть... — И КТО ЖЕ ЕЕ ОТКРЫВАЕТ?

— Пять раз в неделю лаборанты и производственные участки цеха занимают старшихклассники пятидесяти школ района. Каждый школьник проводит здесь один день в неделю, занимается производственным трудом.

— ЧТО ЖЕ ТУТ НОВОГО? ВЕДЬ В КАЖДОЙ ШКОЛЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ...

— Вместо этого Павел Андреевич укладывает меня на экскурсию по цеху. Мы попадаем на товарный участок, где установлены 32 станка современных моделей. Радам, в большом

металлоломом славят будут. Ну, мы прямо возмущались: зачем же мы работаем? Может, потому работа труда плохо платит...

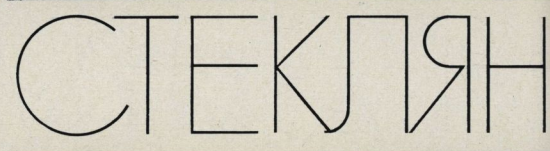
А девочка рассказала, как они учились пришивать пуговицы... и носовую платку. Нет ничего страшнее пустой работы. Человеку нужно не просто от мускуловых усилий, а от труда производственного. В учебном цехе все серьезно.

— А ВЫБОР ПРОФИЛЯ РЕВТА ДЕЛАЮТ ЛАБОРАНТЫ?

— В основном да. Где-то в первой декаде сентября молодые люди пишут заявление о своем выборе. К тому времени они уже знакомы с цехом — мы систематически проводим экскурсии школьников средних классов района, рассказываем им о наших профессиях. Ребята уже заглядывают через стеклянную дверь.

И все-таки стремления молодых людей еще не очень уверенны, не очень осознаны. Некоторые скоро начинают понимать, что ошиблись в выборе. Но тут же, это не беда, в течение первого полугодия можно перейти на другой профиль производственного обучения. Когда десятиклассник приходит в цех на второй год обучения, он тоже может перенести профессию. Но уровень серьезности повышается — теперь уже нужно аргументированно защитить это свое решение перед начальником цеха...

Твоя профессия

ИЛИ О ВЫ

зале, ребята работают на плоскошлифовальных, круглошлифовальных, фрезерных и еще каких-то станках, названия которых я не запомнил. В контрольно-измерительной лаборатории приборы — близнецы тех, которые установлены в заводских лабораториях. Аппараты электротехнического участка также же, как в современном электрощите. Одним словом, тут все «как у взрослых».

— Может ли даже самая большая школа мечтать о таком оборудовании? — теперь уже сам спрашивает начальник цеха. — Нет, наверное, государственного смысла так оснащать каждую школу!

Когда десятиклассник приходит к нам в цех, перед ним довольно широкий выбор: он может попробовать себя в 10 профессиях. Названия их мы написали крупными буквами у входа: токарь, слесарник пирского профиля, слесарь (сборщик, инструментальщик, ремонтник), электрик, радиомонтажник, шофер, столяр-модельщик, чертежник.

Через эти не случаи. Специальными исследованиями, в котором участвовали работники заводских отделов кадров, мы установили, что в нашем районе, районе заводоуправления, это самые нужные, наиболее дефицитные профессии. И с каждой из них школьник может встретиться здесь, в цехе, на самом что ни на есть серьезном уроке.

Потом, когда мы снимали фильм, десятиклассники из другого района города нам рассказали:

— На уроке труда делали мы совок на отметку. Ну, так же точно и венчалки делали и другое. Ставляли мне пять баллов. А на завтра приходим мы в школу и смотрим: все наши совки в ящики валяются, это их на

Такое «напугивание» дела, милого твоему сердцу, значительно естественное и легче протекает в обстановке учебной, чем потом в трудовой жизни. Как мучительно бываю для молодого человека, только что вошедшего в жизнь, подобные «ангажи». Иногда читаешь густо исписанный раздел «Место работы» в трудовой книжке, и кажется, что она принадлежит повзрослому человеку со сложной биографией, которому вот-вот по писню. А поглядяешь — пареньку лет 20—22... Да и во сколько обходится государству такая «охота к перемещению»!

— ПРОЧИТАЙ ЛИ ВЫ РАБОТУ МЕТОД СПОБ И ОШИБОК. САМЫМ ЭФФЕКТИВНЫМ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ?

— Это очень трудный вопрос. С одной стороны, выбор будущей профессии молодым человеком — дело такое сложное, что одним каким-либо методом его не решишь. В профессиональной ориентации столько экономических, социальных, психологических и моральных аспектов, что для ее успешного проведения необходим целый комплекс серьезных мероприятий, целая сеть специальных учреждений в масштабе всей страны.

С другой стороны, действительно нет ничего более надежного для выбора профессии, чем «попробовать» ее, самому поработать в той области, к которой чувствовалась тяга. Но мы, конечно, понимаем, что 10 профессий, которые предлагаем «на выбор» ребятам, далеко не исчерпывают многообразия их интересов.

Реально понимая сложность этого жизненного противоречия, мы стараемся решить за-

дачу комплексно. В учебном цехе ребята знакомятся с основами современного производства, изучают технологию металлов, электротехнику, экономику, основы измерительной техники. Используются самые разнообразные формы и методы профессиональной ориентации. Это и встречи с рабочими различных профессий и инженерно-техническими работниками, фильмом о мастерах своего дела, специальные беседы преподавателей, советы врачей. Сейчас мы организуем кабинет психолога для того, чтобы лучше исследовать психофизиологические качества молодых людей, прежде чем давать им советы в выборе профессии. И тут поможет централизация: при таких цехах, как наш, «службу профессиональной ориентации» проводят специалисты, если есть делать это в каждой школе отдельно!

— СЕГЧАС МНОГО ГОВОРЯТ О ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОНСУЛЬТАЦИОННЫХ ЦЕХАХ. СПЕЦИАЛИСТЫ ПРЕДЛАГАЮТ СОЗДАТЬ ИХ В КАЖДОМ РАЙОНЕ. НО, ПРОСТИТЕ, ПОЧЕМУ ОНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИМЕННО ПРИ УЧЕБНОМ ЦЕХЕ?

— Это вопрос принципиальный. Десятилетиями экспериментировали в нашем цехе, убеждает, что наиболее устойчивые интересы к будущему своему делу пробуждаются у молодых людей, когда профессиональная ориентация ведется совместно с трудовым воспитанием, трудовым обучением и

высоты, а интересы стают более определенными и устойчивыми. И, наоборот, те, которые к техническим дисциплинам не способны, выяснят это в годы обучения и уже не направят свои стопы в эту область человеческой деятельности. Причем выяснение это происходит не просто в беседах, не в общих разговорах, не в теоретических рассуждениях, а в непосредственном столкновении с современным производством, в процессе производственного труда. Как я уже говорил, дверь...

— МНОГО ЛИ В СТРАНЕ УЧЕБНЫХ ЦЕХОВ?

— Она не очень много. И называются они по-разному — в Москве, в частности, работают 4 производственных комбината — в Кировском, Ленинградском, Вауляновском и Первомайском районах. Есть подобные учебно-производственные цеха в Октябрьском районе Ленинграда, на Черноморском судостроительном заводе в Николаеве и в некоторых других городах.

Дело тут, однако, не в количестве и не в размах навалишек, а в том, что такие учебные заведения являются детинцами отдельных индустриальных предприятий, теоретически и практически обоснованной программой, определенных педагогических принципов. Многие учебные цеха просто копируют работу профтехучилищ, учат ребят какой-

мент, механизмами для зашторивания окон и многое другое. Всего продукции реализуем за год на 40—45 тысяч рублей, что, конечно, не окупает расходы на содержание цеха. Но разве такими делами можно измерять успехи? Ведь выгода здесь иного рода — с долговременной отдачей. Академик Струмилин считает, что каждый рубль, затраченный на среднее образование, возвращает обществу примерно 60 процентов ущерба, что составляет примерно 800—850 человек. Более 200 из них ежегодно идут работать на ХТЗ. Не менее 400 — на другие заводы района и города.

— Какое трое из четырехсот: Владислав ВОРОНИН, мастер завода «Электротехники».

— Что мне дал учебный цех ХТЗ? Прежде всего так я натер первые мозоли. А это уже немало... И потом, там было серьезное отношение к труду. Ведь все детали, которые мы делали, шли в сборку! Работал я, конечно, и в школьной мастерской, но в учебном цехе настоящие боевые станки. А это совсем другое дело... (Владислав только что демобилизовался.)

Саша ШУТОВ, слесарь электромеханического цеха 17.

— У меня новая профессия: слесарь-конструктор. Мы создаем универсальные приспособления для станков. Именно создаем, сами придумываем, сами вычерчиваем, сами делаем. Это, конечно, требует немалых знаний. И все это, конечно, в основе дали нам в учебном цехе. Очень помогло для моей терпеливой работы.

Женя БОНДАРЕНКО, слесарь-сборщик ХТЗ, комсорг цеха 1-5.

— И когда я впервые увидел трактор «Т-150» — гиканет, кричащий, где бы я его ни увидел, когда с конвейера сходил или на обкатке, во мне поднимается какое-то чувство гордости — я это сделал своими руками! Это очень большая радость...

— А когда вы впервые такую радость почувствовали?

— (Улыбка) Когда впервые в учебном цехе слесарики сделали. Нам от начала до конца, и в самом деле, спасибо возлагал, он у меня тоже слесарь. Дед одобрил... Павел Андреевич назвал такую цифру, как будто не имеющую прямого отношения к учебному цеху. По материалам лаборатории контроля-оценки исследований Харьковского университета 33 процента студентов уже на третьем курсе заявляют, что, если бы им пришлось снова поступать, они выбрали бы другой вуз или другой факультет. Исследования подтверждают, что и в технических вузах эта цифра ничуть не меньше. Подумать только, каждый третий считает, что пошел по неправильному пути. Убежден, что широкая сеть политехнических центров существенно снизит этот «коэффициент неуверенности».

Есть вещи, которые количественному анализу не поддаются. Как измерить возможные личности в процессе производственного труда? На какой шкале отожествить ту уверенность в себе, которую дает парню или девушке удостоверение о рабочем разряде?

Сейчас в Харькове по решению горкома партия создает учебные цехи еще в двух районах. Называться они будут точечно: «Изучивший цех ХТЗ», «Комсомолец-архитектор» уже сделали рабочие проекты. Так, может, сделать также проекты тыловиков? Нет, не в смысле архитектуры, а в смысле единых принципов политехнической.

Делать же опыт учебного цеха ХТЗ голостец за это.

АДВОКАТ

КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ КАЖДЫЙ

политехническим образованием. Конечно, нужно выявить способности молодого человека, его склонности к той или иной профессии. Но практика показывает, что эти способности можно также развить в нужном направлении. Представляет, как это важно для общества! Вот почему мы привнесем ведущим в профессиональной ориентации подход воспитательный, которому должен быть посвящен подход, диагностический. Давно известно, что воспитание профессиональных интересов происходит главным образом в труде. Для этого лучшее место — учебные цехи при крупных заводах.

ПОЧЕМУ ЖЕ? А ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ УЧИЛИЩА? ВЕДЬ ВЫБОР ПРОФЕССИИ В НИХ (ДАЖЕ В ПРЕДЕЛАХ ОДНОГО ГОРОДА ИЛИ ОБЛАСТИ) ЗНАЧИТЕЛЬНО ШИРЕ, ЧЕМ В УЧЕБНОМ ЦЕХЕ.

— У нас разные задачи. Профтехучилища готовят рабочих определенного профиля. Туда идут ребята, уже сделавшие выбор. Там главное — профессиональное обучение. И хотя у нас многие тоже получают рабочий разряд, но главное все-таки не это. Главное — дать всем школьникам старших классов широкое политехническое образование, от которого зависит направленность, у ребят трудного обучения, облегчить молодым людям выбор жизненного пути.

У нас обучение обязательное — все ребята должны сдавать экзамены, как и по каждому предмету школьной программы. Таким образом те учащиеся, которые имеют склонности к технике (пусть они даже сами этого не подозревают), найдут себя в процессе обучения в нашем цехе, или склонности разво-

дливо рабочей специальности. Но ведь главное в нашем деле не это! Главное — указать молодым людям правильное направление в жизни на основе тесного слияния трудового воспитания, трудового обучения и политехнического образования. И возвращаясь к этой триаде потому, что считано ее единство и неразрывность главным педагогическим принципом нашей деятельности.

Мы живем в фильм «Теоретический» знавал, поскольку вопросы политехнического образования весьма сложны и до сих пор я узнал — даются ли аналитически решим. За ведущий кафедрой педагогики Харьковского университета Н. Ф. Богатов обращается к истории:

— В феврале — марте 1919 года В. И. Ленин подготовил проект программы РКП(б), в котором как ближайшую задачу выдвинул проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 16 лет.

Тот этот пункт и вошел в программу, только Ильич исправил число «16» на «17». Прошло больше полувека с той поры, а формы и методы политехнического все еще слабо разработаны. И эксперимент в учебном цехе ХТЗ представляет для педагогики большую новизну.

НА ВАШЕМ ЗДАНИИ ВЫБЕСКА: «УЧЕБНЫЙ ЦЕХ ХТЗ». ПОТОМУ, ЕСТЕСТВЕННО, ПРОЗВУЧАТ ВОПРОС: КАКОВЫ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ВАШЕГО ЦЕХА?

— Мы выполняем реальные заказы — делаем детали нового трактора «Т-150», инстру-

Вольдемар САВКИН
(фото автора)

Взрыв назначен на десять утра. Все проснулось рано. На небе ни облачка — опять будет жарко, весь день будет вливаться в себя теплую воду, вернее, относительно теплую — при температуре 45 градусов в тени двадцатипятиградусная вода кажется прохладной.

На трассу выехали четверо: прораб Сабанов, взрывник Третьяк и двое практикантов из Тульского политехнического института. До девяти часов необходимо все подготовить к взрыву.

...На двух машинах выезжаем к миной станции. Здесь все готово. В небе ракета — боевой сигнал, через две минуты включат взрывную машину.

Две минуты, осталось две минуты... Василий Романович Третьяк сидит у взрывной машинки, готов на-

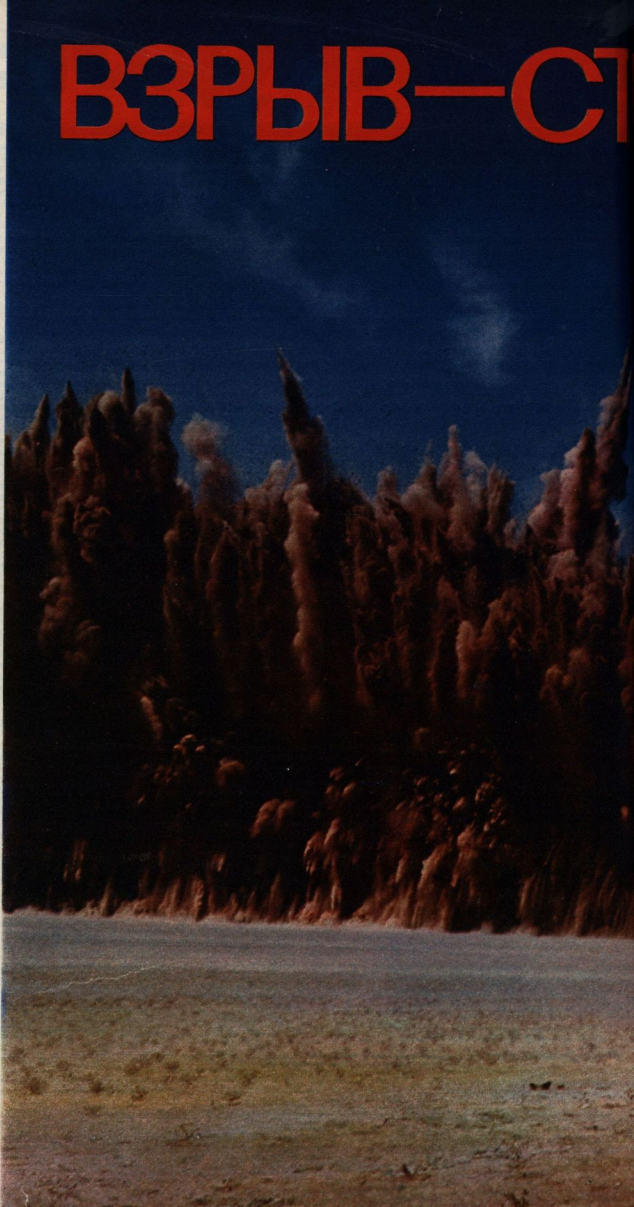

БОЕВОЙ СИГНАЛ.

жать кнопку, остальные стоят в ожидании. Один из взрывников с любительской кинокамерой шепотом спрашивает, катушку же ему поставить диафрагму, хотя он уже об этом спрашивал несколько минут назад. Волнение охватывает каждого.

Продолана большая подготовительная работа, положено много труда, а сейчас все должно произойти за какие-то несколько секунд. Солнце палит во всю [обратил на это внимание, когда на видеоскаатель упала с лица капля пота]. Солнце... Как иногда оно бывает желанно, но здесь, в степи, каждый вечер вспоминаешь все предсказания стариков о том, что, если оно сядет за тучку, значит, будет на следующий день прохладная погода. Но оно за тучку не садится, и утром небо чистое-чистое, и чувствуешь себя как на сковороде, которую медленно нагревают. 45—50 градусов в тени, а тени становятся все короче и короче... Дует ветерок, но он не помогает, со степи он гонит горячий воздух. Маленький парашютик наддувается и шипит, как змея, и вид у него такой, что ему тоже очень жарко, в пасту у него пересохло, и он потерял голос. Глянешь в степь — конца не видно, по степи стоят и движутся маленькие и большие столбы — пылевые бури. Песок проникает буквально всюду, к вечеру на кроватях в ва-

ВЗРЫВ—СТ

ПРОИТЕТЕЛЬ

гончихах, в которых все живёт, толстый слой песка...

—До взрыва меньше минуты.

На возвышенных местах вдалеке от места взрыва группами расположились колхозники, видны млявальные фигурки людей с флажками — выставлено оцепление. Противность взрываемой трассы канала — 1 200 метров. На всем расстоянии через определенные интервалы прорыты шурфы, глубина которых зависит от рельефа местности. В соответствии с этим и распределяется количество зарядов.

Старший прораб Овчаров смотрит на часы — 11.01! Включай! Почва дрогнула! Ощутимый толчок. Мощной стеной поднялась земля. Заряд взорван с замедлением, это обусловлено проектными заданием. Большое облако пыли медленно рассеивается, все с нетерпением ждут ракеты — сигнала отбоя, не терпится людям увидеть результат своей работы.

В самые святые сроки решено построить оросительный канал в Каршинской степи, чтобы как можно скорее сюда пришла вода, наполнила землю, людей, животных.

ЕЩЕ КИЛОМЕТР КАНАЛА!

Строительство Ульяновского оросительного канала в Каршинской степи, на котором трудятся работники «Союзэрипрора», далеко не единственное место в Союзе, где встретишь специалистов этого труда.

В последнее время мы все чаще и чаще встречаемся со взрывниками в тех трудных условиях, когда решить задачу строительства можно только взрывом.

Взрыв уже давно помогает строителям.

23 октября 1966 года под Алатайской противоселевая плотина была построена в считанные секунды. Светится будет стоять плотина, и никакой селя не сможет нарушить покой города.

1968 год. Таджикистан, Яванская долина. В одно мгновение направленным взрывом было сброшено в русло реки Вахш около двух миллионов кубометров скальной породы. Ни одно из гидросооружений не пострадало. Яванская долина получила воду.

—Трудной и важной работой заняты сейчас строители Каршинской степи — этот объект объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Через каждые две-три недели гремят над степью взрывы, приближая к завершению строительство канала.

ОКТАБРЬСКОЕ ОБЗОРЕНИЕ

1. ЖИЗНЬ НА ПЕПЕЛИЩАХ
2. БУКВЫ ВМЕСТО ИДЕОГРАММ
3. ПОКОЯНИКИ НА ЭКСПОРТ
4. БЕЛЫЕ ЛИ ЛЮДИ УЭЛЬСЦЫ!
5. С ВЫСОТЫ ДИНОЗАВРА
6. КАЛЕНДАРЮ 35 ТЫСЯЧ ЛЕТ
7. КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ
8. ПАРАШЮТ НАОБОРОТ
9. ПО САХАРЕ НА ЛЫЖАХ
10. БЕЛЫХ ХОЧЕТ СТАТЬ ЧЕРНЫМ
11. САМЫЙ ХОРОШИЙ ПОДАРОК

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

1.

В каких условиях будет проходить жизнь вьетнамцев, когда в их стране воцарится мир? Масштабы американской интервенции в Юго-Восточной Азии, усиление бомбардировок ДРВ не предрешают быстрого конца грядущей войне. Однако вопросы, касающиеся будущего Вьетнама, всецело ставятся в предметом размышлений ученых. Выводы не являются оптимистичными: никто пока не будет означать для вьетнамцев возвращение и нормализацию отношений, а результаты войны будут ощущаться многие годы.

Группа ученых США исследовала воздействие бомбардировок на природу Вьетнама. Ученые, между прочим, определили, что одно только повышение сбора риса до среднего уровня, характерных для времени до начала американской интервенции, потребует 8 лет. В 1965—1971 годах на каждый гектар земли в Южном Вьетнаме упало 380 килограммов бомб, здесь истреблено 13 миллионов тонн биомассы. Уничтожены ирригационных сооружений в дельте Меконга, а также опасные зарывов нераспорядившихся снарядов. Аммуниция кристаллы поинитры, рывовые мины, и довести эти земли до прежней урожайности будет нелегко. Число вороньих, распространившихся сейчас в Южном Вьетнаме более 21 миллиона. Они образуют огромные площади, на которых не растет ничего, кроме травы, а запыла их «требует многолетних усилий тысяч тысяч работников». В районе дельты большинство вороньих наполнено поджатыми водами. Эти водоемы представляют раскисшие мелиорации, распространяющие малярию. «Испрошение малярии потребует больших средств, чем те, которыми будет располагать небольшая, разоренная войной страна».

Леса и научные плантации также на 65 процентов уничтожены. «Достаточно одному кусочку металла оказаться в стволе дерева, чтобы дерево в нормальных условиях Вьетнама было поражено грибной инфекцией, которая повалит его за пару лет». Каждый месяц, пишут ученые, число вороньих увеличивается на 100 тысяч. «Еще не родившихся поколение на месте собственной жизни испытает результаты этой войны», — резюмирует доктор, подготавливающий публикации. Истинными или антиистинными антивоенных организации, а подьями, оперирующими нонрепмным вьетнам науки и фактов.

«ДОКОЛА СВЯТА», ПНР

2.

В китайской прессе появилась статья, посвященная реформе китайского письма. Статья эта позволяет сделать вывод, что власти решились на проведение реформы, которая позволит преодолеть неграмотность сотен миллионов жителей страны.

Реформа китайской письменности — предприятие необыкновенно сложное. В настоящее время китайская письменность основывается, как известно, на идеографической системе, в которой отдельные знаки выражают определенные понятия, и является единственным универсальным средством общения между жителями разных районов Китая, говорящими на столь значительно отличающихся друг от друга диалектах, что их можно считать чуть ли не отдельными языками. Поэтому прежде чем вводить новую письменность, необходимо модифицировать — как поясняет один из известных западноевропейских китаеведов Люнемоа Ланчотти из университета в Венеции, — «устный язык» «школа», — говорит Ланчотти. — «Был уже введен мандаринский диалект, то есть диалект, на котором говорят в районе Пекина».

Таким образом, только после достижения необходимой степени

распространения пекинского диалекта можно будет перейти к замене идеограмм знаками алфавита. Напомним, что китайская письменность, уходящая своими корнями в тридцатый век до нашей эры, располагает 60 тысячами идеограмм, большинство которых неизвестно даже образованным китайцам. А вот число идеограмм, находящихся в повседневном обиходе, не превышает семи тысяч. Большинство из них с течением времени подвергалось постепенной трансформации. По мере того как расширялся мир понятий, возрастало общее число идеограмм, а необходимость четкого графического различия вела к образованию не только все более сложных иероглифов, но также к созданию композиций пингино — графических, расширяемых которых требуют не только знания, но и воображения. Например, идеограммы, отвечающая понятию «печаль», является соединением двух идеограмм («вода» «ослепить», а вторая «сердце»), суммирующихся в «сердце осени, или... в «печаль».

Замена этой системы, которая вследствие появления новых понятий могла бы расширяться непрерывно, создавая тем самым новые трудности, является в Китае не необходимым условием распространения культуры.

«ДОКОЛА СВЯТА», ПНР

«ДОКОЛА СВЯТА», ПНР

3.

«Когда надо исправить экономическую ситуацию страны, годно любое средство», — заявил Жан-Клод Дювалье, диктатор Гаити. Следует прямо сказать, что высказанные им средства достойны населения. Жан-Клод Дювалье. В специальных холодильниках самолеты «Эр Гаити», принадлежащие семье Дювалье, доставляют в Новую Орлеан и Майами... койкавики. Говуа предначинан для анатомических театров американских университетов, которые давно уже испытывают трудности с подсобным учебным материалом.

На Гаити же это не проблема. В зданиях больших родовых имений являются са койкавики в течение трех дней. А родственники зачастую не являются, ибо им нечем платить за лечение. И каждый месяц с Гаити отправляют тридцать «вещей» стребованиям трудов.

«МОЖЕТЕ БЕСПОКОИТЬСЯ...»

Заведя клиентов Анжел Дювалье, президент «Эр Гаити», — мы вам гарантируем устойчивую ставку. Вы только заранее сообщите, сколько товара вам надо — ровно столько на Гаити и умрет...

«НОВАДЕС ДЕ КУСНО», ПНР

4.

На чемпионате по боксу в Южно-Африканской Республике должен был выступить британский боксер Эдди Уотт. Выяснилось, однако, что выходящая в Йоханнесбурге газета «Трансаалер» сомневается в чистоте его происхождения. Дело в том, что Уотт родился в Капре, а кто знает, вдруг среди его предков было кто-нибудь чуть потемнее, чем это дозволено законами ЮАР? Расскобавив установившиеся на Уэльсе, — уэльсец, а мама — маалтышка, и следовательно, его вполне можно считать белым человеком, достойным встречи на ринге с боксером-буром.

Вроде бы все в порядке? Нет, Эдди Уотт отказался выступать в ЮАР.

«Идиотизм апартеида покажутрива мени», — заявил он, — и даже «радостная» весть о том, что уэльсец принадлежит к белой расе, не утешает...»

«ЖЕН АФРИН», ТУНСИ

5.

«Что за черт, ну и движение сумасшедшее, уже динозавры мерещатся! — несомненно, прочтут кто-нибудь из смелых охотников на отрезки шоссе от Лос-Анджелеса до Палм-Спринга в Калифорнии, когда повиснет за поворотом фигура гигантского ащера».

Впрочем, ащера-то как раз будет настоящий. Почти настоящий, а точнее, сооруженный из стали и бетона. Динозавра соорудят — при помощи двух рабочих — Уллис Онтонз, профессор палеонтологии на пенсии. Через двери в хвосте динозавра посетители смогут пройти в голову — отсюда с высоты в пятнадцать метров осмотреть окрестности, очевидно, для того, чтобы увидеть, насколько они изменились с тех пор, когда бродил по Земле гигантские ищера...

«100 + 122», ЧССР

6.

Работа американского археолога Александра Маршака напоминает работу следователя. Во всяком случае, методы, примененные им в его исследовании, заимствованы в криминалистических лабораториях в «Вещественном доказательстве» служил плоский костяной предмет, испещренный зарубками и ямками. Находка была обнаружена в 1865 году у деревни Лартз, во французской провинции Дордонь. Возраст предмета определили в 35 тысяч лет и поместили его в Музей древностей в городе Сен-Жермен-ан-Ле. Там он пролежал еще сто с небольшим лет, пока не занялся им профессор Маршак. Техника изучения была обычной для полиции, но нова для археологии: наблюдение в биноклярный микроскоп с микроскопическим увеличением. Результат наблюдений: костяной предмет есть не что иное, как лунный календарь, причем лету этому календарю куда больше, чем шумерской цивилизации, древнейшей из известных нам. Исследование кости из Лартз доказывает, что люди, жившие в Европе во время последнего оледенения, уже умели наблюдать за лунными циклами. Более того, они записывали свои наблюдения абстрактными знаками!

Профессор Маршак сумел соединить точность криминалистических методов с логикой археолога. Он исходил из предположения, что сложные календари Египта и Месопотамии являются плодом еще более древних традиций. Изучение кости из Лартз под микроскопом показало, что знаки вырезались на ней в течение долгого времени разными людьми. Ученый исследовал разницу в наклоне резцов, характере гравировки, различия в расстояниях между знаками. Потом пришла очередь математических, статистических и графических методов — и сейчас можно с уверенностью сказать: перед нами действительно лунный календарь, результат многочисленных наблюдений, которые записывались на кости.

Итак, теперь мы знаем, что научные работы начались уже в палеолите...

«ВАЛЕР АКТОУЛЬ», ФРАНЦИЯ

были самые знаменитые из индийских бандитов, ныне добровольно сдавшиеся властям. Тем закончилась освещенная столетиями легенда о мадьях-прадедских разбойниках.

В непроходимых джунглях, покрывающих обширную долину реки Чамбал, тысячу лет скрывались люди, по той или иной причине воевавшие с законом в конфликт. Средневековые правители Индии — могולי не в силах были сделать что-либо с лесным разбойничеством. Английская колониальная администрация безуспешно пыталась выкурить разбойников из джунглей. Полиция молодой республики, правда, удалось достичь некоторых успехов, но бандиты по-прежнему продолжали терроризировать весь штат Махья-Прадеш.

Двадцатидесять лет назад сельский учитель Ачария Виноба Бхаве со своим коллегой Джайя Пракашем Нараяном отправились в джунгли, чтобы уничтожить лесных обитателей. С собой они взяли только книги и плакаты о новой Индии для начальной школы.

Оказалось, что скрывающиеся в джунглях люди очень слабо представляли себе перемены, происходящие в стране. Некоторые не знали даже, что англичане ушли из Индии. И миссия Бхаве и Нараяна оказалась успешной. 167 разбойников во главе с атаманом Мадоо Сингхом вышли из леса. Словесное оружие, Мадоо Сингх заявил:

— Теперь мы знаем, что Индия свободна. Это оружие мы возьмем в руки только для того, чтобы бороться с ее врагами.

«ШИНГЕЛЬ», ФРГ

8.

Французской фирмой «Сибирель» разработан прибор, который служит, так сказать, «напротивом наоборот». Он дает возможность подняться вверх в случае аварии при подводных работах. Прибор «Фрегат 270» представляет собой что-то вроде снарядного круга, который надувается при помощи сжатого воздуха. Подводник может к тому же дышать воздухом через специальную трубку. Регулируемое устройство обеспечивает постепенный подъем, ибо при подъеме с глубины необходимо некоторое время для декомпрессии.

«УРАНИЯ», ГДР

Экзотический вид спорта так понравился жителям деревушки, что местный лавочник выписал партию лыж и быстро их распродал. После этого все деревня, радостно гадая, понеслась с высоты по песку.

Кто знает, может быть, привнес новый вид тропического спорта! Может быть, не за горами время, когда его включат в программу олимпийских состязаний!

«БИЛЬ ДЕР ПЕНТ», ФРГ

10.

Бельгий гражданин Южно-Африканской Республики Лайонел Атулла выиграл официальное письмо в министерство внутренних дел, в котором потребовал рассмотреть его не как белого, а как негра.

«Мне стыдно за то, что я имею право на привилегии только потому, что я белый», — пишет он. — Мне стыдно за то, что я автоматически включен в касту тех людей, которые терроризируют тысячи людей только потому, что они имеют темную кожу. Мне стыдно за то, что многие мои соотечественники в настоящее время неак и расползаются, и это только потому, что моя кожа белая.

Я хочу исполнить эту свою вину, избавиться от чувства стыда. Я хочу жить так, как большинство жителей моей страны, разделять их судьбу. Я стремился и этому рады своих детей, которые надо верить в то, что люди могут быть равными, а это только потому, что мы люди, как и мы».

Лайонел Атулла был одним из многообещающих журналистов в редакции «Юганессбург» сандин Тайаса. Но неожиданно он отказался от преисполненной перспектив, ушел из редакции и начал самостоятельную работу. Вскоре после этого вышла его книга «Мисс Юганессбург» — уродливая и достойная любви». Сейчас он работает над второй книгой, также посвященной атулланским политическим проблемам Южно-Африки. Его патристические позиции. Атулла известен давно — он открыто заявил о них, уславив некоторые время назад негритенку, оставшуюся совсем одинокой. Это явилось первой открытой демонстрацией против расизма ЮАР. Вторая —

послапана в министерство внутренних дел.

Если оно будет одобрено, Атулла вступит в открытый конфликт с законами своей страны. Премье всего это случится на его семье. Его супруга разделит взгляды мужа и решила до конца остаться его попутчицей. Но в ЮАР запрещены браки между неграм и белыми.

Несмотря на все это, Атулла рад, что нашел силы осуществить свое решение. По его мнению, этот поступок послужит примером всем белым гражданам ЮАР, которые разделяют его антирасистские убеждения.

«ПАРАДЕЛИ», НРБ

«Лев — самый хороший подарок к Новому году! Такая реклама появилась недавно во Франции.

Некто виконт Де Лаванур в своем имении создал частный зоопарк — только для львов. Животные расхаживают по парку, а посетители из автомобильной лоббистской «царем зверей». Но львы начали неадекватно быстро размножаться. Их было только два, а теперь пять. Сейчас стало больше сотни. В это время львы целыми двояды рожали по пять львят, а одна — даже целых шесть.

Сто львов — это уже нечто серьезное, признал виконт. Их совместный рев нарушил покой соседей. И тогда владелец зоопарка решил дать вышуплюющую рекламу. Интересно, что первым откликнулся прес-агтенс одного западноафриканского правительства. Диломаго заявил, что его страна готова закупить десять львов, потому что там они исчезли.

«ЛОВ И РИВЛОВ», НРБ

7.

На поездах, влекомых волнами, на кораблях и ослух 30 000 крестьян приехали в Джаяпу, маленький город на западе индийского штата Махья-Прадеш. Здесь на специально сооруженных трибунах стоял премьер-министр штата, шеф полиции и почетные гости.

Когда перед трибунами появились 167 мужчин, вооруженных карабинами, собравшиеся зашли. О происшедшем знали все, но мало кому удавалось их видеть. То

По Сахаре! На лыжах! Странновато звучит. И тем не менее именно по сахарскому песку начали кататься на лыжах два молодых швейцарца, приехав в небольшую тунискую деревушку Ду. Оказалось, что по песку лыжи идут ничуть не хуже, чем по снегу. Каждое утро лыжники собираются на трансмоторный бархан и несутся вниз со скоростью 50 километров в час.

9.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ТЕЛЕП

Джон БЛАКБЭРН

ПОВЕСТЬ

того я не говорил, мистер Ирвин. Лично я убежден, что ее смерть — следствие несчастного случая. И тем не менее меня очень интересует, где была ваша жена в последние дни жизни.

Стар встал, подошел к окну и прильнул смотреть в парк. На освещенном солнцем лбу и правой щеке отчетливо выступили рубцы и шрамы. Это было лицо много страдавшего и продолжающего страдать человека. Наблюдая за ним, Билль подумал, что Стар, несмотря на все свое богатство, по-прежнему изгой, одинокий старик, который никому и ничему не принадлежит — слишком уж все в нем перемешалось.

Стар? Стар! Билль заставил себя вспомнить, что ему известно о прошлом этого человека. Да, правильно, Моргенстерн. Эммануэль Моргенстерн, до 1939 года торговец строительными материалами в Лембеге, а в 1945 году — один из тех, кто составлял балласт Германин — серый скелет в полосатой арестантской одежде, пытавшийся приветствовать союзных солдат, освобожденных концлагерь, в котором он был заключен, и вряд ли умеющий этого улыбаться...

Однако позднее положение резко изменилось, и Эммануэль Моргенстерн ожил. Он воскрес, подобно библейскому Лазарю, но без всякого чуда. В отличие от Джимбо Уэйна он женился не на падчерце босса, а на самом боссе. Вдова богатого строительного подрядчика Маргарет Бейн, которая на благотворительных началах вела работу с беженцами, обратила на него внимание, и через полгода они поженились. Вместо удостоверения «перемещенного» лица он получил британский паспорт, передал свою фамилию на английский лад, а фирма «Бейн и Мэвингайра» стала называться «Стар констракшн». Спустя три года его жена скончалась от инфаркта, оставив ему падчерцу шестидцати лет, двести тысяч фунтов капитала и фирму. Еще через год деловой мир Лондона убедился, что имеет дело с солидной фирмой, и знае с ее девизом стал загораться на многих строительных площадках.

— Да, мистер Ирвин, — продолжал Стар, открываясь за она и улыбаясь. — Меня очень интересует, где побывала ваша жена в течение недели перед смертью в результате несчастной случайности. Вот наладение на вас вовсе не было случайностью.

— Вам известно и об этом? Вы верите, что оно действительно произошло? — завякнул от неожиданности переспросил Билль.

— Известно, мистер Ирвин. И я абсолютно уверен, что все произошло именно так, как вы рассказываете... Хотите закурить? Предлагаю

ся, что это успокаивает нервы, а у вас они, видимо, расстроены.

Он вынул из кармана портсигар и протянул его Биллю.

— Вообще-то говоря, в нашей полиции служат люди неглупые и трудолюбивые, мистер Ирвин, однако их недостаток состоит в том, что они полагаются только на факты. Разумеется, они обязаны так поступать, ибо в противном случае могут иметь место нарушения законности. Однако, как мне кажется, это иногда затрудняет их работу. В случае с вами факты были совершенно очевидны. Никаких следов посторонних лиц в вашей квартире полиция не обнаружила, у вас ничего не пропало, но на весах в спальне оказались следы вашей крови, как если бы вы упали и разбили о них голову. Утверждение о грабительстве, произошедшем в дом, исключило только от вас, а вы перед этим испытали нервно потрясение. Разве можно винить полицию, что она усомнилась в вашем заявлении!

— Вы правы, сэр Норман, и я никого не виню. — Билль прикурил от замятки, протянутой Старом. — Но вы сказали, что верите мне. Почему?

— Да потому, что у меня больше фактов, чем у полиции. Видите ли, я не только прочитал все написанное в газетах, но, как мне кажется, знаю, зачем у вас мог появиться ваш таинственный визитер. — Стар спрятал зажигалку в карман, сел, и Билль вновь испугался, что хрупкое старинное кресло вот-вот развалится под ним. — Мистер Ирвин, вы слышали о работающем у меня инженер-строителе Гансе Вилдбелле?

— Конечно. — Вопрос Стара, несомненно, был чисто риторический, ибо кто в Англии не слышал о Вилдбелле? Три года назад это имя появилось на первых полосах всех газет: «Ответственный пост нацистскому боссу», «Можно ли допустить, чтобы такой человек работал здесь?»

Да, фамилия Вилдбелле пользовалась громкой известностью. Заместитель оберштурмбюффера Вилли Френцель, синопс преступлений которого составлял толстую книгу, начальник планового отдела дитяца Френцель — Организация Кю, руководившей всем строительством в самой гитлеровской Германин и во всех оккупированных фашистами странах, использовавшей для этого миллионы рабов, Вилдбелле после войны был судим как военный преступник, но за недостаточностью улик отделался двухгодичным заключением. После этого Вилдбелле следовало бы прозвать ганд-нудба, в одиночестве, но у Стара на сей счет были иные соображения. Три года назад он разглядел Вилдбелле и предложил ему ключевой пост в фирме «Стар констракшн». Шум в газетах по этому поводу продолжался неделю. И все же Стар добился своего, не смотря на петицию демонстрации протеста, запросы в парламенте и даже забастовку в строительной про-

мышленности. Руководитель и злой гений «Организации Кю» Вилли Френцель был мертв — он погиб ужасной смертью, сгорев во время налета английских авиацион на Гамбург, однако его подругий Ганс Вилдбелле оставался в живых и являлся главным инженером фирмы «Стар констракшн» с жалованием, как утверждали, свыше двадцати тысяч фунтов в год.

— Конечно, я слышал о Вилдбелле, — повторил Билль. — Но какое отношение это имеет к человеку, который напал на меня в моей квартире! — Самое непосредственное. — Стар слегка улыбнулся. — Ответьте мне на один вопрос. Вы были среди тех, по имени которых я поступил неправильно, взяв его на работу?

— Да, был. Я даже подписал петицию с просьбой не разрешать ему въезд в Англию.

— Так я и думал, — кивнул Стар. — Должно быть, вы очень упрямый мой друг, если так долго храните ненависть. Я очень пострадал от людей, подобных хозяевам Вилдбелле. Одному из них я обязан вот этим моим лицом. Он хлестал по моему колючей проволокой с камнем на конце. — Стар провел рукой по шрамкам и рубцам на лбу и на щеке. — И тем не менее, мистер Ирвин, я все же верю, что время меняет не только людей, но и их характеры и убеждения.

Мы должны в это верить, если хотим называть себя цивилизованными людьми. Возможно, двадцать лет назад Ганс Вилдбелле был чудовищем, но я думаю, чтобы он являлся им и теперь! По моему, он всего лишь маленький человек, как, скажем, унтерштра, выполняющий приказы старших. Если приказы точны и ясны, для него нет ничего значения, кто их отдает. — Френцель ле Гитлер или Моргенстерн. Помимо всего прочего, он один из лучших инженеров-строителей на свете, и я как бизнесмен решил, что мне следует воспользоваться его услугами. И у меня нет каких-либо оснований сомневаться об этом решении. С того времени, как он начал служить у меня, объем наших работ возрос на пятнадцать процентов, а накладные расходы уменьшились. Мои решения нанять его полностью себя оправдали и оказались бы еще более выгодными для нас, если бы ваша жена не совершила огромную глупость.

— Моя жена! — воскликнул Билль и нахмурился. — Сэр Норман, может быть, мы все же перейдем к фактам? То вы заявили, что она погибла в результате несчастного случая. То намекали, что о попытке ограбления моей квартиры вам известно больше, чем полиции. Прошу разъяснить мне, что именно вам известно и какое отношение моя жена могла иметь к Гансу Вилдбелле.

— Минуточку, мистер Ирвин, минуточку. — Стар наклонился и закурил сигарету. — Я расхожусь, но прежде хотел бы получить ответ еще на один вопрос. Вы имеете какое-нибудь

Продолжение. Начало в №№ 17, 18.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

представление о том, сколько тонн железобетона требуется для строительства вот такого многоквартирного дома, как этот?

— Было не были всны стубо технические детали расказа Стара, но суть он схватил отчётливо. Гис Вицлеб разрабатывал цемент нового типа, почти не требующего армирования, твёрдого, как гранит, и одновременно податливого, как сталь. Новый сорт цемента позволял на треть сократить расходы по строительству.

Работа Вицлеба увенчалась успехом. В результате многих месяцев поисков, исследований, испытаний и ошибок ему наконец удалось найти правильные пропорции составных частей, и он готовился запатентовать разработанный им процесс.

— И вся документация была у Мэри?

— Вот именно, мистер Ирвин. Во всяком случае, насколько нам известно, она была последней, видевшей его. Произошла по меньшей мере отвратительная бюрократическая путаница, если не нечто худшее.

Стар отмахнулся на ступню лагу, и лучи солнца вновь осветили ширмы на усталом лице.

— А случилось всё что... Секретарша Вицлеба заболела гриппом, а он не пожелал доверить такие документы временно заменившей её сотруднице. Ваша жена уезжала по делам в Лондон на два дня, и Вицлеб попросил её переписать для него эти бумаги. Ваша супруга обещала сделать это, а потом переслать в Комитет по делам изобретений для регистрации и получения патента.

Биль кивнул. Мэри действительно упоминала, что во время его отсутствия должна будет время от времени приезжать в Лондон.

— Ей было известно, о чём эти бумаги?

— К сожалению, мистер Ирвин, я не могу ответить на ваш вопрос. Она знала об их важности, возможно, понимала, о чём шла речь, но вряд ли разбиралась в технических деталях. Во всяком случае, документы она так и не вернула. На следующее утро ей позвонил мой зять, Аллан Уэйн, и велел немедленно вернуться в Фелклифф. Он сказал, что у него возникли некоторые трудности в работе, хотя те это являлось подлинной причиной. Аллан — слабохарактерный человек и всегда излишне полагается на своих подчиненных.

В голосе Стара послышалась издевка, а на лице сквозило нечто, которого и не на кого не полагался и не мог простить этого другим.

— Уезжая в Фелклифф, ваша жена забыла бумаги дома. Так она сказала Вицлебу при встрече. Он, естественно, забеспокоился, но ваша жена заявила, что бумаги находятся в полной безопасности и что она переписывает их, как только вновь вернется в Лондон.

— Куда она так и не вернулась, — заметил Биль

и опять мысленно представил себе влажные от тумана полупустые улицы, контуры будки телефон-автомата, отдаленный шум приближающегося грузовика. — И вы предполагаете, сэр Норман, что грабитель, ударивший меня, искал эти бумаги?

— Не только предполагалю, но полностью убежден в этом. Правда, у Вицлеба сохранились копии чернишюков, но все равно материалы, несомненно, представляют огромную ценность для любого нашего конкурента. Большую ценность, чем вы даже отдаленно можете представить. — Стар встал, подошел к маленькому письменному столу, стоявшему у двери, и выдвинул один из ящиков. — Наши конкуренты совершенно беспринципные люди. Они могли навязать кого-либо, чтобы проникнуть в вашу квартиру и похитить эти бумаги. Они были очень хорошо информированы обо всем и, вероятно, не считали, что идут на какой-то риск. Они знали, что вас нет дома, а ваша жена выезжает из Фелклиффа полученным поездом и, следовательно, может появиться в квартире не раньше четырех часов утра. Таким образом, они были убеждены, что могут проделать все в полной безопасности. — Стар наконец нашел в ящике лист бумаги и передал его Биллю. — Вот образец почерка Ганса Вицлеба. Где-то в вашей квартире находится три таких листа с заметками, написанными его рукой. Вот почему, мистер Ирвин, я хотел переговорить с вами. Вы должны знать, где ваша жена могла спрятать их. Прошу вас найти и вернуть их нам. Я буду вам благодарен на всю жизнь.

— Но ведь полицейские уже тщательно обыскали мою квартиру! — произнес он. — Если ваше сообщение соответствует действительности, это означает, что бумаги были найдены и взяты тем, кто прониц ко мне.

— Нет, он их не нашел. В этом я уверен. У нас тоже имеется агентура, и если бы бумаги оказались у нашего конкурента, я бы уже знал об этом.

— Но почему же в таком случае вы ничего не сообщили в полицию?! — удивленно спросил Биль, не сводя глаз с бумаги, исписанной неразборчивым почерком, и чувствуя, как охватывает его внезапная злость. — Полищеские насмехались надо мной, когда я рассказывал им о грабителе. Они, видимо, думали, что я спятил...

— Знаю, мистер Ирвин, и глубоко сожалю, что вам было причинено столько неприятностей. Тем не менее пока еще я не могу обратиться в полицию и прошу вас сохранить наш разговор в тайне. Вы понимаете, хотя я и уверен, что мой конкурент охотится за бумагами Вицлеба, я ведь только подозреваю, что сообщил ему о них. Поверьте, я надеюсь, очень надеюсь, что мои подозрения неосновательны. — Стар нажал кнопку звонка, и в комнате появилась горничная.

— Пожалуйста, попросите сюда миссис Уэйн. — Он подождал, пока за горничной закроется дверь, и снова обратился к Биллю. — По-моему, мистер Ирвин, вот что произошло, хотя прошу вас не предпринимать никаких мер, пока я полностью не удостоверюсь в правильности моих предположений. Ваша жена оставила бумаги Вицлеба где-то в квартире и возвратилась в Фелклифф. Как по-вашему, кому она могла рассказать о бумагах? Кто мог знать, что она вернется в Лондон не днем, а придет ночным поездом и будет дома не ранее четырех часов утра? Кто мог укрывать у вас ключ от квартиры? Кто мог знать, что вас не будет дома еще по меньшей мере два дня?

— Я не... — начал было Ирвин, но тут же в голосе у него разомкнулся ответ.

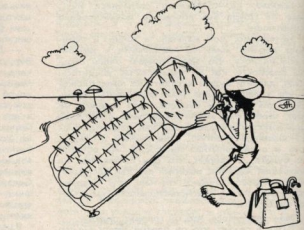
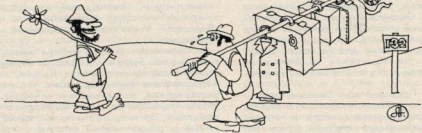
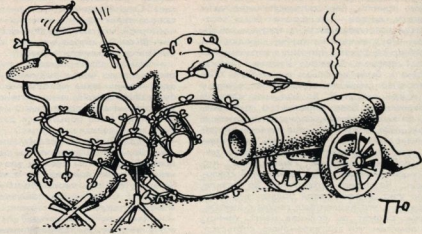
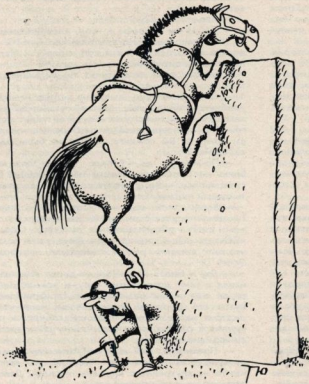
Все это мог знать только один человек — веселый, неградоудный, душа общества, полный, но очень подвижный, легкое носившийся по теннисному корту и с улыбкой переносивший поражение, крепко грасный его за руку и хрипящий в самое ухо: «Билли, дружище, мы с вами счастливы!» У вас самая лучшая жена на свете, а у меня самая лучшая секретарша! Добродушный, милый старик Джимбо Уэйн!

— Я знаю, о ком вы думаете, мистер Ирвин, и должен сказать, что вы правы, — послышался голос Стара, ответившего на им же поставленные вопросы. — Когда все идет так, как ему хочется, мой зять — достойный уважения человек и у меня нет претензий к нему. Я не сомневаюсь, что он женился на Рут по любви. Он был выдвинут мною на весьма ответственный пост в фирме, хоть я и не назначил его одним из директоров, считая это преждевременным. Я думаю, что он более чем способен удовлетворить. Он никогда и не мечтал о таком положении, а Рут была красивой девушкой. Но на охоте с ней произошел этот прискоренный инцидент, и любовь, как говорится, кончилась.

Стар по-прежнему улыбался, голос его был выразителен, но в глазах засветилась внезапная жестокость.

— Вот так... Любовь нет, нет места директора и возможности завлечь, но потеря высокооплачиваемую службу... По существу, я даже не могу винить его за попытку продать меня моему конкуренту...

— Я не верю вам, сэр! Извините, но я просто не в состоянии поверить! — Биль устался на рисунок на ковре и попытался сосредоточиться. Никакого смысла в происшедшем он не видел и никак не мог связать одно с другим. Его жена попала под грузовик, а затем оказалась убитым и водителем того грузовика. В метель по названию Сидней с ним произошла частичная потеря памяти, а Джимбо Уэйн, которого он всегда считал добродушным и недалеким парнем, орга-

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБИНСКОГО

УСПЕХ НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ

О любой спортивной победе приятно писать, но о такой — двойной! Советская команда на XIX студенческой Олимпиаде в австрийском городе Граце завоевала первое место — в 14-й (!) раз наши молодые гроссмейстеры и мастера стали обладателями золотых медалей чемпионов мира.

В полуфинальных встречах наши ребята одержали верх над шахматистами Швейцарии, Израиля, Норвегии, Италии и Бразилии, набрав 17 очков из 20 возможных. Затем в финальной путьке, где выступили вместе сильнейшие коллективы советских сборных, мы играли семь матчей — у команд Румынии, Израиля, Кубы, Дании, ФРГ, Англии и Венгрии, лишь две скучные свехи выиграло — со студентами Венгрии и США.

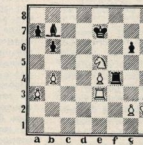
В итоге заключительного этапа соревнований набрано в 36 партийх 28½ очков. Отличный результат, позволяющий опередить даже второго призера — мастеров Венгрии — на целых 9 очков!

Свою лепту в успех нашей шахматной дружины внесли все шесть ее участников: лейнградец Анатолий Карпов, москвич Юрий Балашов, одесситы Владимир Туманов и Михаил Поддєл, Гдыбляк Загитин из Еревана и Юрий Аникава из Новонугенеца. Особо хочется выделить лидера сборной СССР 21-летнего Анатолия Карпова, во игре которого «Смена» писала не раз за последние годы. Молодой гроссмейстер, выступая против сильных зарубежных шахматистов своих стран, занял среди первых номеров чистое первое место с высочим показателем — 7 из 9.

Думается, нашим читателям понравятся фрагменты из интереснейших партий, проведенных советскими студентами на Олимпиаде в Граце. Эти интересные творческие примеры как нельзя лучше иллюстрируют активную, изобретательную игру, которую показывают на ответственном составлении участии молодежи сборной СССР. К такой позиции пришла после 10-го хода черных ф7—f5 партии Туманов — Хус из матча СССР — Швейцария. Черные хотели построить непробиваемую пешечную цепь, но советский шахматист посредством вза-

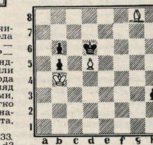
тия «на проходе» вернул игру и быстро подготовил фигуры для гитума пешечной сражений. 11. — e5 f6! Кf7: f6 12. Kd2—f3 c5—c4 13. Cd3—b1! Именно так, чтобы для атаки по диагонали вперед слона и при его поддержке действовать белая ферзь. 13. — c8—d7 14. Фd1—c2 Kf8—c8 15. Kc2—e3 Cg7—f8 16. Kf3—e5 h7—h6 17. Kc3—h5! Cf8—d6 18. Kc5—f7! Деятельная жертва коня на разных пунктах доставляет истинное удовольствие ланке завязанному шахматному эстету. Конь, пометко, сейчас неуязвим из-за угрозы мата. Наладить оборону вообще уже невозможно. 18. — Фh8—e7 19. Kf7: d6 Фe7: f6 20. Kf5: f6+; и черные сдались.

Забавная и весьма поучительная монотонка Карпова Фараго из матча СССР — Венгрия. Перед нами эндшпиль, к которому пришли партнеры после 31-го хода черных. На первый взгляд венгр, играющий черными, воспринимает пешку и легко добивается равенства. Однако ситуация не так проста, как кажется. 32. Kc3—f3 d6—e5 33. Лd3: f4 e5: f4 34. Kc5—d3 Cb7: e4 35. Kd3: f4 Kрe7—d6 36. e2—e4 Kрi6—c6. Быть может, черному королю следовало атаковать пешку соперника на ферзевом фланге не «в лоб», а обходным путем, через пешку, играя 37. — Кe7! Отвечая на это, стал лишь детальный анализ. 37. Kf4—e2 Cc4—d3 38.

Kc2—f4 Cc3—c4 39. g4—g5 Kрe6—h5 40. h3—h4 Kрb5—a4 41. h4—h5 Kрa4: a3. Материальное соотношение не меняется в пользу черных, но решает стюдло не это, а неотвратимый пешечный прыжок Нагана на королевском фланге. 42. h5—h6! Kрa3: b4 43. g5—g6, и Фараго выигрывает белый флаг.

В «ОСАБИТЕ» ЛИ СЛОН?

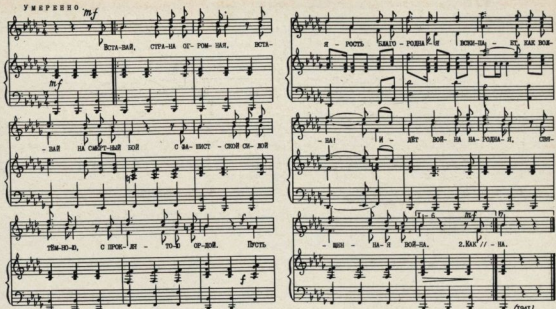
Не видно, как остановить ринувшую вперед, в ферзи проходную пешку черных. Между тем у находится еще на первый взгляд в «осаби» слова белых имеется скрытый и довольно изощренный способ спасти своего короля. Не найдут ли его читатели «Смены»?

НАШ АДРЕС: 104157, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВКИ: 253-30-87.

Сдано в набор 4/IX 1972 г. А 00981. Подписано и печатано 25/IX 1972 г. Формат бум. 70×108½. Уч. печ. л. 5,60. Тираж: 1 000 000 экз. Изд. № 2090. Заказ № 3443. Орден Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Слова Василия ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА

Музыка Александра АЛЕКСАНДРОВА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой тёмною,
С проклятой ордой!

Привет:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война.

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы.
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

Привет.

Дадым отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Привет.

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет жар топтать!

Привет.

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Силойот крепкой гроб!

Привет.

Пойдем ломить всей силой
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой!

Привет.

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой,
С фашистской силой тёмною,
С проклятой ордой!

Привет:

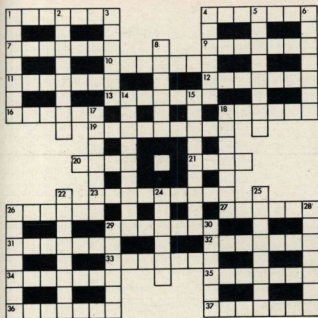
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война!

Эта песня была создана в первые дни Великой Отечественной войны композитором Александром Александровым и поэтом Василием Лебедевым-Кумачом. «Священная война» впервые прозвучала на Белорусском вокзале столицы через две недели после вторжения немецко-фашистских захватчиков на нашу землю. Она была исполнена Красными жандармерией в ансамбле песни и пляски Красной Армии.

Свидетели этого необычного выступления ансамбля рассказывают, что пять раз пришлось исполнять песню по просьбе командиров и красноармейцев. Они хотели запомнить песню, заучить, как крику. И они запомнили ее! Вскоре вся Красная Армия, все страна знала «Священную войну». Она звала, поднимала народ на смертный бой.

КРОССВОРД

Составил Г. КОНДРАТЬЕВ,
г. Ленинград

По горизонтали:

- Народный писатель Белоруссии. Стихотворная строка.
- Инвентарь для игры в теннис.
- Опера А. Н. Серова.
- Узбекский ученый IX века.
- Действующее лицо одной из «маленьких трагедий» А. С. Пушкина.
- Музыкальный ансамбль.
- Документ с притяжными сведениями.
- Острова в Финляндском архипелаге.
- Трагедия Шенкеля.
- Мощный осветительный прибор.
- Кушанцы из зороастрийской общины.
- Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка».
- Служб-

- ное похищение в милом делении.
- Разговор, обмен мнениями.
- Регулятор лодочного топлива в двигателе.
- Вратарь сборной хоккейной команды СССР.
- Реальной узор, упрощение на металле.
- Повторяющийся мотив рисунка на тканях, ковров, вышивке.
- Швейцарский диамант, олеан Академии наук СССР.
- Защитная терраса вдоль стены дома.
- Представитель населения Центральной Америки.
- Итальянский живописец эпохи Возрождения.
- Историческая область на юге Румынии.

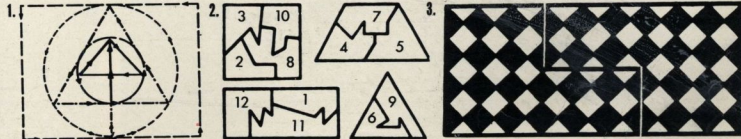
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЕ В № 19

По горизонтали:

- Анкара.
- Фигаро.
- Пагалье.
- Норматия.
- Вагет.
- Риска.
- Кучак.
- Гембрант.
- Нарвал.
- Конус.
- Нарвал.
- Вулкан.
- Август.
- Талант.
- Скала.
28. Игиды.
31. Транспорти.
34. Адмирал.
36. Кварц.
37. Тенет.
38. Отрадное.
39. Рампидон.
40. Насилье.
41. «Волода».

По вертикали:

- Августов.
- Канва.
3. Альбом.
4. Фототайп.
5. Авант.
6. Остатков.
7. Портин.
8. Волжак.
11. Ларина.
14. Ре-зультат.
15. Тенисту.
17. Ковня.
18. Класс.
19. Сырбу.
21. Ругай.
24. Барсуки.
25. Тобаг.
26. Донжирон.
29. Исландия.
30. Акация.
32. Артель.
33. Откров.
35. Родос.
38. Куско.

РОЗА ВЕТРОВ.

ПОКОРЕНИЕ ЕРМАКОМ СИБИРЬ.

РЫБАК.

У каждой из этих работ — три авторе: Александр Погорель, Владимир Горбатов и Генрик Засення.

Александр Погорель — он, кстати сказать, преодолел сцену излоды художников Томского отделения Союза художников РСФСР — рассказывает:

— У нас много общего. Все заняты делом художественного творчества, но любим мастерить, с техникой возитесь. Ну и охотники, конечно... Еще в училище мастерами были разные модели: медальончики, побрякушки... И вот уже лет пять занимаюсь по стоящей чепухой. Мы не могли не улетаться все. Работа по металлу требует дендратности, а мы и по профессии и по призванию — дендраты.

Дендратность. Что означает это понятие для Александра и его товарищей? Это можно понять, слушая, как их высказываются.

Владислав Горбатов:

— Мы изучаем историю Сибири, старинную русскую графику. Хотим научиться мыслить в этом характерном рисунке. Древние обитатели Сибири для нас полумифические существа. Мы пытаемся дать их образ через орнаментальные сюжетные композиции, но, естественно, без прорисовки деталей, которых не знаем.

Александр Погорель:

— Мы часто на Север ездили. Охотились, рыбачили, словом, у моряка живем... Очень нам один рыбак-ханты понравился. Спрашивал его: «Рыба есть?» «Рыба нет, щука.» Такой роборушный, лесни нам пил, всю свою жизнь рассказывал. Конечно же, он ставил нам моделью... Мы хотим отобразить богатство нашей области. Ведь второй Тюмени нет на земном шару. Хотим показать представителям основных наших профессий: рыбака, охотника, нефтяника, газownika, поларного летчика, десурба.

И следовательно, Генрика Засеня не было в Тюмени: уехал на Север готовый и сразу охотничью добычу, о Генрике говорили его друзья:

— Он когда-то иррационально работал, так что с металлом хорошо знаком. Он нам здорово помог. Гера — человек мастеровой, издавна сам заросан сделал. Он металл любит, с удовольствием и нежно относится.

Так вот из чего складывается понятие «дендратности» в представлении этих тюменских мастеров: история Сибири и ее сегодня, древнее искусство и современный характер, и еще особый уважительность и материалу, свойственная истинным мастеровым людям.

И Александр и Владислав говорят: нам чепуха привалает их еще и потому, что чепуханцы физически ощущают сопротивление материала. Чуждо природности здесь, особенно сильно. А им это необходимо. Необходимо утверждать себя, концентрируя все свои духовные и физические силы.

Борис АНДРЕЕВ

МОЛОДОЖЕНЫ.